

Нельзя хоть между словъ тебя упомянуть,
 Хотя мыслью по тебѣ разсѣянно скользнуть,
 Чтобъ думой скорбною, высокой и спокойной
 Не обняло души, понять тебя достойной.

ГРУСТЬ.

Все грустно, все грустнѣй, часъ отъ часу тяжелѣй,
 Часъ отъ часу на жизнь темнѣй ложится мгла,
 На жизнь, гдѣ нѣтъ тебя, на жизнь, гдѣ ты доселѣ
 Любимыхъ думъ моихъ святая цѣль была.
 Все поводъ мнѣ къ слезамъ, всѣ впечатлѣнья полны
 Тобой, одной тобой: поднятыя тоской,
 Тѣснятся ли къ груди воспоминаній волны, —
 Все образъ твой, все ты, все ты передо мной,
 Ты, неотступно ты! Грядущаго ли даль
 Откроется глазамъ пустынею безбрежной, —
 Ты тамъ ужъ ждешь меня съ тоскою безнадежной:
 Пророчески тебя и въ будущемъ мнѣ жаль.

РОЗА И КИПАРИСЪ.

(Графиня М. А. Потоцкой.)

Вотъ вы и я: подобье розы милой,
 Цвѣтете вы и чувствомъ и красой:
 Я — кипарисъ угрюмой и унылой,
 Воспитанный лѣтами и грозой.

И будет мнѣ воспоминанье ваше,
 Подобно ей, свѣжо благоухать;
 При немъ душѣ веселье будетъ краше,
 При немъ душѣ отраднѣе страдать.

Когда же вамъ сгрустнется и случайно
 Средь ясныхъ дней проглянетъ черный день,—
 Пускай мое воспоминанье тайно
 Васъ осѣнитъ, какъ кипариса тѣнь.

—

КЪ РИМУ.

Не капитолій твой всемірный, вседержавный,
 Не вѣчно-памятныхъ развалинъ пепель славный,
 Не величавый рядъ дворцовъ и базиликъ,
 Не тѣнь священная, въ которую поникъ
 Ты царственной главой, столѣтьями вѣнчанной,
 Не сумракъ виллъ твоихъ свѣжо-благоуханной,
 Гдѣ, щедростью даровъ счастливцевъ надѣля,
 Такъ радостно цвѣтетъ роскошная земля,
 Не тихія твои окрестныя пустыни,
 Надъ коими горитъ день свѣтозарно-синій
 И освѣщаетъ ихъ по прихоти своей
 Сіяньемъ радужнымъ пылающихъ лучей,
 Иль стелетъ по степи безлѣсной и безмачной
 И дремлющую тѣнь, и мракъ полупрозрачной,
 Не весь сей пышный міръ величья и чудесъ,
 Гдѣ красота земли и красота небесъ
 Даютъ и мысли жизнь, и пищу вдохновеньямъ,
 Гдѣ каждый вѣкъ, въ урокъ грядущимъ поколѣньямъ,
 Прорѣзавъ новыя и вѣчныя бразды,
 Оставилъ творчества безсмертные слѣды,

Гдѣ все минувшаго есть отзывъ величавый,
 Все пѣснь поэзіи и все преданье славы,
 Не эти голоса, не эти красоты,
 Не то чѣмъ прежде былъ, не то чѣмъ нынѣ ты
 Подъ заревомъ вѣковъ, событій ихъ зеркало,—
 Не это на душу мнѣ достояньемъ пало
 И властвуетъ моей встревоженной душой.
 Нѣтъ, скорбью, о мой Римъ, сроднился я съ тобой!
 Сочувствіе къ тебѣ и внутренній, и чище:
 Родное мѣсто есть мнѣ на твоёмъ кладбищѣ,
 На семъ кладбищѣ царствъ столѣтій и племень.
 Воспомнится ли мнѣ ограда вѣчныхъ стѣнъ?
 И вопрошаю я тоской воспоминанья:
 Не кисти, не рѣзца, не зодчества созданья,
 Въ которыхъ смѣлый духъ избранниковъ живетъ.
 Нѣтъ, мимо ихъ, меня таинственно зоветъ
 Тотъ мирный уголокъ, гдѣ ранняя могила
 Родительской любви надежду схоронила.
 Здѣсь Римъ сказался мнѣ, здѣсь понялъ я, въ слезахъ,
 Развалинъ и гробницъ его и плачь и прахъ;
 Здѣсь скорби стѣнъ его, державной и глубокой,
 Откликнулся и я печалью одинокой!



ОТДѢЛЪ VI.

ФРАНЦІЯ И АНГЛІЯ.

ЭПЕРНЁ.

(Декису Васильевичу Давыдову.)

I.

Икалось ли тебѣ, Давыдовъ,
Когда шампанское я пилъ
Различныхъ вкусовъ, свойствъ и видовъ,
Различныхъ возрастовъ и силъ,

Когда въ подвалахъ у Мозта
Я жадно поминалъ тебя,
Любя наѣздника-поэта,
Да и шампанское любя?

Здѣсь бьетъ кастальскій ключъ, питаю
Небаснословною струей;
Поэзія—здѣсь вещь ручная:
Пять франковъ дай—и пей и пой!

Мозтъ,—вотъ сочинитель славный!
Онъ пишетъ прямо набѣло
И стихъ его, живой и плавный,
Ложится на душу свѣтло.

Живеть онъ славой всенародной;
 Поэтъ доступный, всѣмъ съ руки,
 Онъ переводится свободно
 На всѣ живые языки.

Не даромъ онъ стяжалъ извѣстность, —
 И въ школу всѣ къ нему спѣшать:
 Его текущую словесность
 Всѣ поглощаютъ на расхватъ.

Поэмъ въ стеклянномъ переплетѣ
 Въ его архивахъ миллионъ.
 Гомеръ! хоть ты въ большомъ почетѣ, —
 Что твой воспѣтый Иліонъ?

Когда тревожила насъ младость
 И жажда ощущеній жгла,
 Его поэма, наша радость,
 Настольной книгой намъ была.

Какъ много мы ночей безсонныхъ,
 Забывъ всѣ тягости земли,
 Ночей прозрачныхъ, благосклонныхъ,
 Съ тобою надъ нею провели.

Прочтешь поэму — и бывало
 Давай подюжину поэмъ!
 Какъ ни читай, кажись, все мало...
 И зачитаешься совсѣмъ.

Въ тѣхъ подземеліяхъ гуляя,
 Я думой ожилъ въ старинѣ;
 Гляжу: бивакомъ рать родная
 Расположилась въ Эпернѣ.

Лихой казакъ, глазамъ и слуху,
Предсталъ мнѣ: пѣсни и гульба!
Пьютъ Эпернейскую сивуху,
Жалѣя только, что слаба.

Люблю я Русскаго натуру:
Въ бою онъ левъ; пробьютъ отбой, —
Весельчаку и балагуру
И врагъ все тогъ-же братъ родной.

Оставя боевую пику,
Казакъ здѣсь мирно пировалъ,
Но за Москву, Французамъ въ пику,
Ихъ погреба онъ осушалъ.

Виномъ кипучимъ съ горь Французскихъ
Онъ поминалъ родимый Донъ
И чтобъ не пить изъ рюмокъ узкихъ,
Пилъ прямо изъ бутылокъ онъ.

Да и тебя я тутъ подмѣтилъ,
Мой Бородинскій бородачъ!
Ты тутъ друзей давнишнихъ встрѣтилъ
И поцѣлуй твой былъ горячъ.

Дней прошлыхъ свитки развернулись,
Всѣ поэтическіе сны
Въ тебѣ проснулись, встрепнулись
Изъ-за душевной глубины.

Вотъ край, гдѣ радость льетъ обильно
Виноточивая доза:
И изъ очей твоихъ умильно
Скатилась пьяная слеза!

II.

Такъ изъ чужбины отдаленной
 Мой стихъ искалъ тебя, Денись!
 А ужъ тебя ждалъ неизмѣнной
 Не виноградъ, а кипарисъ.

На мой привѣтъ отчизнѣ милой
 Отвѣтомъ скорбный голосъ былъ,
 Что свѣжей, братскою могилой
 Дополненъ рядъ моихъ могилъ.

Искалъ я друга въ день возврата ..
 Но грустенъ былъ возврата день!
 И *собутельника* и брата
 Одну я съ грустью обнялъ тѣнь.

Остылъ поэта свѣтлый кубокъ,
 Остылъ и партизанскій мечъ;
 Средь благовонныхъ чашъ и трубокъ
 Ужъ не кипитъ живая рѣчь.

Съ нея не сыпятся, какъ звѣзды,
 Огни и вспышки острыхъ словъ
 И рѣчь наѣздника—наѣзды
 Не совершаетъ на глупцовъ.

Струей не льется вѣчно-новой
 Бивачныхъ повѣстей рассказъ
 Про льды Финляндіи суровой,
 Про огнедышущій Кавказъ,

Про годъ, запечатлѣнный кровью,
 Когда, подъ заревомъ Кремля,
 Пылая мстью и любовью,
 Возсталъ Русская земля,

Когда, принеши безусловно
 Всѣ жертвы на алтарь родной,—
 Единодушно, поголовно
 Народъ пошелъ на смертный бой.

Подъ твой рассказъ народной были,
 Животрепещущій рассказъ,
 Изъ гроба тѣни выходили
 И блескъ ихъ ослѣплялъ нашъ глазъ.

Багратіонъ, Ахиллъ душою,
 Кутузовъ, мудрый Одиссей,
 Сеславинъ, Кульневъ,—простотою
 И доблестью мужъ древнихъ дней!

Богатыри эпохи сильной,
 Эпохи славной, васъ ужъ нѣтъ!
 И вотъ сошелъ во мракъ могильной
 Вашъ сослуживецъ, вашъ поэтъ!

Смерть сокрушила славы наши
 И смотримъ мы съ слезой тоски
 На опрокинутыя чаши,
 На упраздненные вѣнки.

Зову,—молчить припѣвъ бывалый;
 Ищу тебя,—но домъ твой пустъ;
 Не встрѣтитъ стихъ мой запоздалый
 Улыбки охладѣвшихъ устъ.

Но пѣснь мою, души преданье
 О свѣтлыхъ, безвозвратныхъ дняхъ,
 Прими, Денисъ, какъ возліянье
 На прахъ твой, сердцу милый прахъ!

ОСЬМОЕ ЯНВАРЯ 1853.

Друзья! вы помните-ль *осьмое Января*,
 По милой старинѣ веселыя поминки?
 И прозу и стихи той пестрой вечеринки,
 Гдѣ, словно въ зеркалѣ волшебномъ фонаря,
 Скользили мимо насъ и былъ, и небылица,
 Давно минувшихъ лѣтъ дѣла, преданья, лица,
 Живой калейдоскопъ, заморскій міръ и Русь,
 И сердцу дорогой нашъ *Арзамасскій цусъ*?
 Воспоминаніе, двойникъ того что было,
 Отъ жатвы времени сей уцѣлѣвшій цвѣтъ,
 Въ насъ память старило и сердце молодило,
 Съ вечернимъ сумракомъ сливая дня разсвѣтъ.
 Тутъ старость—съ юностью, сегодня—съ днемъ вчерашнимъ,
 Съ *Димитріемъ Донскимъ*—горячій *Бригадиръ*,
 Родные и друзья, предъ очагомъ домашнимъ
 Справляли безъ чиновъ полустолѣтній пиръ,
 Въ признательность и въ честь сановнику и другу
 За то, что рядомъ велъ онъ съ службою—заслугу,
 Умъ—съ сердцемъ, съ счастьемъ—честь, отличие—съ простотой,
 Дѣла—съ любезностью и колкость—съ добротой.
 Поутру зиждетъ сводъ онъ въ храминѣ законовъ,
 А вечеромъ — душа пріятельскихъ салоновъ;
 Блестящій образецъ той вѣжливой поры,
 Когда уживчивость была ума порукой,
 Съ вниманьемъ свѣтъ цѣнилъ любезности дары
 И люди межъ собой не щеголяли скукой
 И умникъ, чтобъ попасть въ угодники молвы,
 Не корчилъ дикаго и не просился въ львы.
 Вы помните-ль, друзья, какъ въ этотъ вечеръ милый
 Мы Несторы, другой эпохи старожилы,

Предъ племенемъ младымъ сочувствій не стыдясъ,
 Скрѣпляли двухъ эпохъ разорванную связь?
 Умолкшихъ голосовъ мы были вѣрнымъ эхомъ,
 Забытой старины вскрывали уголокъ
 И съ нами молодежь смѣялась старымъ смѣхомъ
 И лавры старые вилетала въ свой вѣнокъ.
 Но славѣ ль устарѣть? Нѣтъ, лавры вѣчно юны;
 Талантъ, — будь въ гробѣ онъ, — все тотъ же властелинъ.
 Какъ истина одна, такъ къ ней и путь одинъ
 И страсти въ насъ однѣ и тѣ же сердца струны
 Звучать, что нѣкогда звучали и до насъ.
 Вся тайна: пробудить въ нихъ свѣжія созвучья,
 Природу сочетать съ искусствомъ въ добрый часъ
 И вызывать слезу на повѣсть злополучья,
 Иль сердца чистый смѣхъ при глупостяхъ людскихъ,
 Давно изношенныхъ и заново смѣшныхъ.
 Людей смѣняются и гибнуть поколѣнья;
 У каждого свои заботы, заблужденья,
 Вѣкъ каждый что нибудь да новое изрекъ;
 Но человѣкъ всегда все тотъ же человѣкъ.
 Творенья смѣлой царь и вмѣстѣ рабъ щедушной,
 Онъ въ областяхъ земной и водной, и воздушной
 Могъ силы новыя къ стихіямъ примѣнить,
 Но сердца новаго ему не сочинить.
 Промышленности вѣкъ, сей Бріарей сторукий,
 Весь міръ перевернулъ могуществомъ науки;
 Онъ строить чудеса ударомъ знойныхъ крылъ,
 А внутренній нашъ міръ остался тѣмъ, что былъ.

За духомъ времени и за парами слѣдомъ,
 Занесся вотъ и я высокопарнымъ бредомъ,
 Быть можетъ въ скуку вамъ, а прочимъ на показъ;
 Простите, виновать! Впередъ не буду. Разъ
 Промолвится не грѣхъ: другіе врутъ и хуже;
 Ихъ назовете вы и безъ меня. Къ тому-же

Давно уже сказалъ какой-то умный шутъ,
 Что пошрины съ вранья въ Россіи не берутъ.

Въ бездонной пропасти два года потонули,
 Съ тѣхъ поръ какъ *Арзамасъ* мы дружно помянули.
 Вамъ памятно-ль? а я такъ помню все и всѣхъ:
 Робронъ *Совѣтницы* и фижмы *Бригадиры*
 И даже помню я мои плохія вирши—
 И съ грустью пополамъ мнѣ памятенъ тотъ смѣхъ.

Оторванный судьбой отъ милаго мнѣ круга,
 Съ тѣхъ поръ я жертвою упорнаго недуга
 Скитался, дань платилъ аптекамъ и врачамъ
 И злой бессонницей томился по ночамъ.
 Я выхлебалъ до дна латинской кухни кашу,
 До дна я осушилъ страданій горькихъ чашу
 И вмѣсто сценъ родныхъ *осьмаго ливаря*,
 Въ Парижѣ я засталъ *второе декабря*.
 Тутъ любоваться могъ явленіями другими:
 Бивачные огни подъ окнами моими;
 Народной бури вой ошеломилъ меня:
 На улицахъ стрѣльба, пальба, въ домахъ рѣзня;
 Убіиства зодчіе возносятъ барикады
 И нѣтъ ни возрасту, ни полу нѣтъ пощады:
 Старикъ-ли, женщина-ль, дитя-ли,—въ грозный день
 Безумному свинцу все вѣрная мишень;
 Свирѣпство воиновъ, свирѣпство черни злобной,
 Всѣ ужасы, весь адъ войны междоусобной!
 По мокрой мостовой нога въ крови скользить;
 Вотъ домъ какъ рѣшето подъ ядрами сквозить;
 Вездѣ слѣды убійствъ, неистовствъ, разрушенія!
 Пируетъ варварство во имя просвѣщенія;
 Во имя равенства, свободы и любви—
 Вражда во всѣхъ сердцахъ и руки всѣ въ крови.
 Вотъ новый эпилогъ, но вѣрно не послѣдній,
 А съ продолженьемъ *впередъ*,—кровавой этой бредни,

Которую давно затѣяли отцы
 И съ дуру дѣти ихъ, надменные слѣпцы,
 Освищенныхъ отцовъ освищенное племя,
 Разыгрываютъ вновь въ наслѣдственномъ бреду!
 Не образумить ихъ ни опытность, ни время;
 Ихъ совѣсть не пройметъ, въ нихъ мѣста нѣтъ стыду!
 Вотъ образованность великаго народа,
 Который самъ себя великимъ возгласилъ!
 Вотъ цвѣтъ ума его, плоды духовныхъ силъ:
 Лже-просвѣщеніе, лже-мудрость, лже-свобода,
 Наслѣдіе отцовъ потомству, — майоратъ,
 Который перейдетъ сохраннымъ до внучатъ!
 Умъ выдыхается, но глупости могучи —
 И чѣмъ онѣ глупѣй, тѣмъ болѣе живучи.

Но слово за словомъ, замѣтить мнѣ пора,
 Я снова заношусь порывами пера,
 Чтобъ обуздать его задорные приемы,
 Чтобъ съ нимъ не залетать въ высокія хоромы, —
 Какъ началъ, кончу я поминкомъ старинѣ,
 Всѣмъ милымъ и всему, чѣмъ жили мы когда-то.
 Пусть время рушить всё; въ сердечной глубинѣ
 Былому мѣсто есть и это мѣсто свято.
 Вамъ, юношамъ, — мечты обширный небосклонъ,
 Воздушныхъ замковъ блескъ и смѣлые желанья!
 Намъ, близкимъ къ рубежу, познавшимъ дней урокъ, —
 Въ тѣни минувшаго намъ тихія преданья!
 Когда нашъ меркнетъ день и лучъ надеждъ погасъ,
 Воспоминаніе еще чаруетъ насъ;
 Намъ свѣтитъ оно въ сердечной нашей кельѣ,
 Какъ вѣчно-юный перлъ въ старинномъ ожерельѣ.

БРАЙТОНЪ.

Сошелъ на Брайтонъ миръ глубокій
 И утомившись битвой дня,
 Спятъ люди, нужды и пороки
 И только моря гулъ широкій
 Во тьмѣ доходить до меня.

О чемъ ты море такъ тоскуешь?
 О чемъ рыданій грудь полна?
 Ты съ тишиной ночной враждуешь,
 Ты рвешься, вопишь, негодуешь.
 На ложѣ мечешься безъ сна.

Краснорѣчивы и могучи
 Земли и неба голоса,
 Когда въ огняхъ грохочутъ тучи
 И съ бурей, полные созвучій,
 Перекликаются лѣса.

Но все, о море, все ничтожно
 Предъ жалобой твоей ночной,
 Когда смутишься вдругъ тревожно
 И зарыдаешь такъ, что можно
 Всю душу выплакать съ тобой!



ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ДОМА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Д О М А.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Въ холодной пустотѣ разсѣяннаго свѣта
Есть слухъ, внимательный къ пѣвучимъ снамъ поэта,
Есть чувство теплое, которому сродни
Все, что душа хранить и бережетъ въ тѣни;
Не ослѣпленная привычкой и пристрастьемъ,
Есть мысль, согрѣтая любовью и участиемъ,
Мысль, воспріимчиво доступная всему,
Что сердцу вѣсть даетъ и говорить уму;
Есть свѣтлый уголокъ, высокій и пріютный,
Куда, какъ къ пристани, почуя вѣтръ попутный,
Стремятся отъ тревогъ житейской суеты
Безчувственной толпой затертыя мечты.

Когда въ душѣ темно и жизнь себѣ не рада,
Вдали, на высотѣ, имъ свѣтится лампада,
Лучъ примирительный таинственной звезды
И жизнь идетъ бодрѣй на новые труды.

Туда, чуждаясь смуть людскихъ, дневного шума,
Спасается моя запуганная дума
И вѣрить, что найдетъ, чего не дастъ ей свѣтъ:
Вниманье, вѣрный судъ и ласковый привѣтъ.

ОТДѢЛЪ I.

РАЗНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЛЮБИТЬ. МОЛИТЬСЯ. ПѢТЬ.

Любить. Молиться. Пѣть. Святое назначенье
Души, тоскующей въ изгнаніи своемъ,
Святаго таинства земное выраженье,
Предчувствіе и скорбь о чемъ-то неземномъ,
Преданье темное о томъ, что было яснымъ
И упованіе того, что будетъ вновь;
Души, настроенной къ созвучію съ прекраснымъ,
Три вѣчныя струны: молитва, пѣснь, любовь!
Счастливъ, кому дано познать отраду вашу,
Кто чашу радости и горькой скорби чашу
Благословлялъ всегда съ любовью и мольбой
И пѣсни внутренней былъ арфою живой!

МОЛИТВА

АНГЕЛУ ХРАНИТЕЛЮ .

Научи меня молиться,
 Добрый Ангель, научи!
 Усть твоихъ благоуханьемъ
 Чувства черствыя смягчи;
 Да во глубь души проникнуть
 Солнца вѣчнаго лучи,
 Да въ груди моей забьются
 Благодатныхъ слёзъ ключи!

Дай моей молитвѣ крылья!
 Дай полетъ мнѣ въ высоту!
 Дай мнѣ вѣры безусловной
 Высоту и теплоту!
 Неповинныхъ, безотвѣтныхъ
 Дай младенцевъ чистоту
 И высокую, святую
 Нищихъ духомъ простоту!

Дай, страхнувъ земныя узы,
 Съ прахомъ странническихъ ногъ,
 Дай во мнѣ угаснуть шуму
 Битвъ житейскихъ и тревогъ;
 Да откроется тобою
 Мнѣ молитвенный чертогъ,
 Да въ одну сольются думу:
 Смерть, безсмертіе и Богъ!

МОЛИТВА.

Чертогъ Твойъ вижу, Спасе мой!
 Онъ блещетъ славою Твоею;
 Но я войти въ него не смѣю,
 Но я одежды не имѣю,
 Дабы предстать мнѣ предъ Тобой.

О, Свѣтодавче, просвѣти
 Ты рубище души убогой;
 Я нищимъ шелъ земной дорогой;
 Любовью и щедротой многой
 Меня къ слугамъ Своимъ причти!

НА ЦЕРКОВНОЕ СТРОЕНІЕ.

Одною встрѣчей я всегда въ прогулкѣ счастливъ:
 Будь лѣтомъ жарокъ день, иль осенью ненастливъ,
 Подъ проливнымъ дождемъ, въ морозъ, въ палящій зной,
 На перекресткѣ онъ, съ открытой головой
 И съ книгою въ рукѣ, протянутой къ прохожимъ.
 Глядитъ онъ странникомъ и человѣкомъ Божьимъ,
 Смиренья съ простотою лежитъ на немъ печать;
 Свой странническій крестъ пріавъ, какъ благодать,
 Изъ дальняго села пришелъ онъ въ городъ чуждый,
 Но привели его не собственные нужды.
 Итъ! къ дому Господа усердемъ возгора
 И возлюбивъ и блескъ, и святость алтара,
 Онъ благолѣпно ихъ посильный трудъ приносить
 И именемъ Христа на церковь братій просить.

Въ волненьяхъ суеты, среди столичныхъ стѣнъ,
 Преданье и урокъ Апостольскихъ временъ,
 Онъ ходитъ между насъ Евангельскою вѣстью
 И праздна сердца въ насъ будить къ благочестью.
 И рѣдко кто пройдетъ,—и больно за того,
 Кто мимо могъ пройти, не одѣливъ его
 Хоть малымъ чѣмъ-нибудь, хоть ласковымъ вниманьемъ,
 Сочувствіемъ любви, поклономъ, пожеланьемъ,
 Чтобъ труженика путь Господь благословилъ
 И жатвой доброю жнеца обогатилъ.
 Но болѣе всего люблюсь добротомъ,
 Который дастъ свой грошъ, трудомъ и крупнымъ потомъ
 Добытый,—и себя жъ тутъ осѣнить крестомъ,
 Какъ будтобъ онъ еще остался съ барышомъ.
 Храня въ душѣ моей отцовъ простую вѣру,
 Я слѣдовать люблю народному примѣру
 И лепту и мою спѣшу въ тотъ сборъ принести.
 Скажу: *и моего тутъ меду капля есть;*
 Скажу: и моего тутъ будетъ капля масла,
 Чтобъ предъ иконою лампада въ вѣкъ не гасла,
 Чтобъ тихій свѣтъ ея ликъ Спаса озарялъ
 И въ душу скорбную отрадой проникалъ.

И въ этой мысли мнѣ есть сладость упованья,
 Что тутъ и мой кирпичъ поидетъ въ основу зданья,
 Гдѣ мирная семья смиренныхъ поселянъ
 На благовѣсть любви, сзывающій мірянъ,
 Усердною толпой сберется въ день Воскресный.
 И молятся они, чтобы Отецъ Небесный
 Послалъ имъ свѣтлый миръ, чтобы за ихъ труды
 Имъ принесла земля обильные плоды;
 Чтобъ день былъ совершенъ, святъ, миренъ и безгрѣшенъ,
 Чтобъ исцѣлялъ больной, чтобъ скорбный былъ утѣшенъ,
 Живущимъ вѣрою, хранящимъ Божій страхъ,
 Трудящимся всѣмъ, въ молитвѣ и слезахъ,

Всѣмъ странствующимъ, всѣмъ далече въ морѣ сущимъ.
 Всѣмъ долю тяжкую и тяжкій плѣнъ несущимъ—
 Господь послалъ свой миръ, любовь и благодать;
 Чтобъ въ покаяньи имъ дни прочіе скончать,
 Чтобъ ангелъ мирный, душъ ихъ и тѣлесъ хранитель,
 Берегъ и стадо ихъ, и поле, и обитель;
 Чтобъ помянулъ Господь во царствіи своемъ
 Отцовъ и братію, почившихъ смертнымъ сномъ,
 Святителей церквей, родныхъ, владыкъ державныхъ
 И всѣхъ лежащихъ здѣсь и всюду православныхъ;
 И отрѣшя ихъ отъ всѣхъ земныхъ заботъ,
 Ко Господу любви душа ихъ вопіетъ,
 Чтобъ непостыдная и тихая кончина
 Предстательствомъ Его возлюбленнаго Сына
 Сошла, какъ благодать даруя имъ покой,
 Чтобъ имъ омыть грѣхи раскаянья слезой
 И въ оный страшный день, съ отвѣтнымъ добрымъ словомъ,
 Младенцами предстать имъ на судѣ Христовомъ.

И безымянною молитвой обо мнѣ
 Помянуть вѣрные въ далекой сторонѣ,
 Когда за Божій домъ собравшіеся въ ономъ
 И за создателей той церкви крестъ съ поклономъ
 Предъ Господомъ живыхъ и мертвыхъ сотворять.
 Года пройдутъ. Давно онъ, ихъ усопшій братъ,
 Лежитъ въ землѣ сырой; но въ поколѣньи новомъ
 Все тѣмъ же любящимъ и благодарнымъ словомъ
 О братѣ, чуждомъ имъ, помолится народъ;
 Тутъ память и моя пройдетъ изъ рода въ родъ;
 И можетъ быть, Богъ дастъ, сей лептой богомольной
 Искупится мой грѣхъ, иль вольной, иль невольной
 И тамъ зачтется мнѣ въ замѣну добрыхъ дѣлъ,
 Что къ церкви Божіей душой я не хладѣлъ.

УТѢШЕНІЕ.

Предъ Господомъ Богомъ я грѣшенъ!
 И кто же не грѣшенъ предъ Нимъ?
 Но тѣмъ я хоть мало утѣшенъ,
 Что братъ я всѣмъ братьямъ моимъ;

Что слезы мнѣ всѣ симпатичны,
 Что съ плачущимъ плачу и я,
 Что въ сердцѣ есть отзывъ привычный
 На каждую скорбь бытія;

Что духъ мой окрѣпъ подъ ненастьемъ,
 Что въ язвахъ созрѣла душа,
 Что жизнь мнѣ не блескомъ, не счастьемъ,
 А тайной тоской хороша;

Что въ міръ и его обаянья
 Недолго вдаваться я могъ,
 Но всѣ его понялъ страданья
 И чувство для нихъ уберегъ;

Что тайная есть мнѣ отрада
 Внезапно войти въ Божій домъ
 И тамъ, гдѣ мерцаетъ лампада,
 Съ молитвой поникнуть челомъ;

Что дня не проходитъ и часу,
 Чтобъ внутреннимъ слухомъ не внялъ
 Я смерти призывному гласу
 И слухъ отъ него уклонялъ;

Что въ самой житейской тревогѣ
 Сей голосъ не чуждъ для меня
 И мыслью стою при порогѣ
 Последняго, страшнаго дня.

СТАРОЕ ПОКОЛѢНІЕ.

Смерть жатву жизни косить, косить
 И каждый день, и каждый часъ
 Добычи новой жадно просить
 И грозно разрываетъ насъ.

Какъ много ужъ именъ прекрасныхъ
 Она отторгла у живыхъ
 И сколько лиръ виситъ безгласныхъ
 На кипарисахъ молодыхъ!

Какъ много сверстниковъ не стало,
 Какъ много младшихъ ужъ сошло,
 Которыхъ утро расцвѣтало,
 Когда насъ знойнымъ полднемъ жгло....

А мы остались, уцѣлѣли
 Изъ этой сѣчи роковой,
 По смерти ближнихъ оскудѣли
 И ужъ не рвемся въ жизнь, какъ въ бой.

Печально вѣкъ свой доживая,
 Мы запоздавшей смѣны ждемъ,
 Съ днемъ каждымъ сами умирая,
 Пока не вовсе мы умремъ.

Сыны другаго поколѣнья,
Мы въ новомъ—прошлогодній цвѣтъ.
Живыхъ намъ чужды впечатлѣнья,
А нашимъ—въ нихъ сочувствій нѣтъ

Они, что любимъ,—разлюбили,
Стрястямъ ихъ—насъ не волновать;
Ихъ не было тамъ, гдѣ мы были,
Гдѣ будутъ—намъ ужъ не бывать!

Нашъ міръ—имъ храмъ опустошенный,
Имъ баснословье—наша быль
И то, что пепель намъ священный—
Для нихъ одна нѣмая пыль.

Такъ, мы развалинамъ подобны
И на распутіи живыхъ
Стоимъ, какъ памятникъ надгробный
Среди обителѣй людскихъ.

БИТВА ЖИЗНИ.

Когда припомню я и жизнь, и все бывшее,
Рисуется мнѣ жизнь—какъ поле боевое,
Обложенное все рядами мертвыхъ тѣлъ,
Средь коихъ я одинъ, какъ чудомъ, уцѣлѣлъ.
Дружиной бодрою, отважной молодежью
Мы рано вышли всѣ въ походъ на волю Божью.
У каждаго былъ жезлъ фельдмаршальскій въ сумѣ,
У каждаго—своя побѣда на умѣ,

У каждаго—свои надежды, цѣль и радость;
 Довѣрчиво судьбу спрашивала младость.
 Но скоро ворвалась смерть въ юный нашъ отрядъ.
 Сплошнѣй сомкнули мы разорванный свой рядъ
 И скорбью помянувъ утраченного брата,
 Самонадѣянно, удалые ребята
 И каждый о себѣ безпечный, шли впередъ:
 Бѣгомъ—на крутизну, потокомъ—въ плавь и въ бродъ.
 Мы пѣсню боевой весь воздухъ оглашали;
 Задачи бытія восторженно рѣшали
 Горячія сердца и смѣлые умы.
 Но полдень наступилъ и оглянулись мы:
 Ужъ многихъ нашихъ нѣтъ и лучшихъ нѣтъ изъ братій;
 Смерть выхватила ихъ изъ дружескихъ объятій
 Внезапно, въ золотой порѣ цвѣтущихъ силъ,
 Когда ихъ зрѣлый духъ такъ плодороденъ былъ!
 Тутъ робкій взглядъ—впередъ и на себя—печальный.
 Вперили мы: хладѣлъ тотъ пылъ первоначальный,
 Которымъ наша грудь кипѣла, а нашъ умъ
 Насытиться не могъ въ тревогѣ смѣлыхъ думъ.
 Сталъ небосклонъ темнѣй и путь какъ будто уже,
 Въ угасшихъ дняхъ друзей и наши гасли вчужѣ;
 А все еще рѣдѣлъ, прострѣленный насквозь,
 Строй—нѣкогда стѣна,—теперь разбитый врозь.
 Когда же зорю мы пробили въ часъ молитвы,
 Нашъ на лицо деа-три сошлись на полѣ битвы.
 Сталъ недочетъ и въ тѣхъ, оставшихся.... Позднѣй
 Оплакивалъ одинъ я всѣхъ моихъ друзей.

Я ПЕРЕЖИЛЪ.

Я пережилъ и многое, и многихъ
 И многому извѣдалъ цѣну я;
 Теперь влачусь въ однихъ предѣлахъ строгихъ
 Извѣстнаго размѣра бытія.
 Мой горизонтъ и сумраченъ, и близокъ
 И съ каждымъ днемъ все ближе и темнѣй.
 Усталыхъ думъ моихъ полетъ сталъ низокъ
 И міръ души безлюднѣй и бѣднѣй.
 Не заношусь впередъ мечтою жадной,
 Надежды гласъ замолкъ—и на пути,
 Протоптанномъ дѣйствительностью хладной,
 Ужъ новыхъ мнѣ слѣдовъ не провести.
 Какъ ни тяжелъ мнѣ былъ мой вѣкъ суровой,
 Хотя житницы моей запасъ и малъ,
 Но ждать ли мнѣ безумно жатвы новой,
 Когда ужъ снѣгъ изъ зимнихъ тучъ напалъ?
 По бороздамъ серпомъ пожатой пашни
 Найдешь еще, быть можетъ, жизни слѣдъ:
 Во мнѣ найдешь, быть можетъ, слѣдъ вчерашній,—
 Но ничего ужъ завтрашняго нѣтъ.
 Жизнь разочлась со мной: она не въ силахъ
 Мнѣ то отдать, что у меня взяла
 И что земля въ глухихъ своихъ могилахъ
 Безжалостно навѣки погребла.

РАЗДУМЬЕ.

Ужъ не за мной-ли дѣло стало?
 Не мнѣ-ль пробьетъ отбой и съ жизненной бразды
 Не мнѣ-ль придется снести шалашъ мой и орало
 И хладнымъ сномъ заснуть до утренней звѣзды?

Пока живется намъ, все мнимъ: еще когда-то
 Намъ отмежуетъ смерть урочный нашъ рубежъ?
 Пусть смерть разить другихъ, но наше мѣсто свято,
 Но жизни нашей цвѣтъ еще богатъ и свѣжъ.

За чуднымъ призракомъ, который все насъ манить
 И многое еще сулитъ намъ впереди
 Бѣжимъ мы — и глаза надежда намъ туманитъ
 И ненасытный пылъ горитъ у насъ въ груди.

Но вотъ ударить часъ, часъ страшный пробужденья;
 Прозрѣвшіе глаза лучъ истины язвить,
 И приракъ — гдѣ-жъ его и блескъ, и обольщенья?
 Онъ, вдругъ окостенѣвъ, какъ вкопанный, стоитъ.

Съ закрытаго лица подѣмлетъ онъ забрало—
 И видимъ мы не жизнь, а смерть передъ собой!

Ужъ не за мной-ли дѣло стало?

Теперь не мнѣ-ль пробьетъ отбой?

БЫЛОЕ.

Томимся-ль, странники, мы переходомъ дальнимъ
 И много на пути за нами дней легло,—
 Подъ сумерками дни, подъ сумракомъ печальнымъ,
 Которымъ нашу жизнь кругомъ заволокло.
 Надеждъ чуждые и бѣдные желаньемъ,
 Покоя одного и молимъ мы и ждемъ;
 Но въ книгѣ памяти съ задумчивымъ вниманьемъ
 Мы любимъ проверять страницы о быломъ.
 Воспоминаніе, минувшаго зарница,
 Блеснетъ и озаритъ пройденный нами путь
 И прожитые дни и выбывшія лица—
 Все тѣни милыя—тѣснятся въ нашу грудь.

УНЫНІЕ.

Я не рожденъ бороться съ жизнью трудной,
 Побѣдный лавръ цвѣтеть не для меня
 И не въ моей груди тщедашно-скудной
 Кипитъ струя священнаго огня.

Житейскихъ битвъ волненье и тревога
 Меня смущаютъ; духомъ я пугливъ—
 И вчужѣ мнѣ, съ домашняго порога,
 Далекихъ грозъ ужасенъ дикій взрывъ.

Съ отвагою не рвусь къ судьбѣ на встрѣчу,
 Какъ на врага, съ оружіемъ наголо;
 Когда-жъ ее издалека подмѣчу,—
 Склонивъ во прахъ покорное чело,

Насильственнымъ трудомъ себя не муча,—
 (Трудъ немощи моей не побѣдитъ)
 Смиренно жду, когда минуетъ туча,
 Иль, разразившись, сердце опалитъ.

О чемъ заботиться? Безъ нашей воли
 Прядется нить дней, не подвластныхъ намъ;
 Не мы себѣ предназначаемъ доли:
 Куда идти? по тернамъ, иль цвѣтамъ?

Къ чему скорбѣть? надѣяться напрасно?
 Что было—было, прошлое—прошло.
 Что будетъ впредь, какъ знать? Одно намъ ясно:
 Жизнь мимоидетъ, съ ней добро и зло.

Я не хвляюсь смиренностью моею:
 Не мудрости моя смиренность дочь.
 Могу-ль сказать, что я духовно зрѣю?
 Нѣтъ, вянущу я—и наступаетъ ночь.

Ужъ подвигъ мой оконченъ. Неудаченъ,
 Хорошъ ли онъ? здѣсь не объ этомъ рѣчь.
 Но близокъ часъ, который назначенъ
 И ношу дня пора мнѣ сбросить съ плечъ.

ГОРЕ.

Радость, жизни гость случайный,
Промелькнетъ — и зѣмеръ слѣдъ.
Горе, на лицо, иль тайный,
А всегда нашъ домосѣдъ.

Онъ хозяинъ въ домѣ нашемъ,
Мы его ученики,
На него оремъ и пашемъ
Въ два ярма и въ двѣ руки.

Притворится ли порою
Невидимкою въ дому?
Мы и вѣримъ съ простотою
Что пришелъ конецъ ему.

Сонъ минутный, сна-ль подобье,
Старика уgomонить?
Правый спать, — а изъ подлoбья
Лѣвый глазъ насъ сторожить.

Безотлучно и безсрочно,
Ждутъ его или не ждутъ,
На глазахъ или заочно,
Такъ, иль иначе, — онъ тутъ.

Не смотря на пытки эти,
Въ промежуткахъ люди сплошь,
Не злопамятныя дѣти,
Опытъ свой не ставятъ въ грошъ.

Словно данъ имъ въ полновласть
И въ игрушку цѣлый міръ,
Дѣти вновь играютъ въ счастье
И ихъ кукла имъ кумиръ.

Просто вскользь или ненарокомъ
Имъ о горѣ намекни,—
Жалкимъ трусомъ, злымъ пророкомъ
Возгласятъ тебя они.

Я не знаю какъ другіе,
Про себя же я скажу:
Какъ сошлись мы съ нимъ впервые,
Такъ я горю все служу.

Гдѣ-жъ оно меня не травить,
Тамъ не менѣе того
Мнѣ и въ роздыхъ душу давить
Страхъ наткнуться на него.

СОЗНАНІЕ.

(Владимиру Павловичу Титову.)

Я не могу сказать, что старость для меня
Безоблачный закатъ безоблачнаго дня.
Мой полдень мраченъ былъ и бурями встревоженъ
И темный вечеръ мой весь тучами обложенъ.
Я къ старости дошелъ путемъ родныхъ могилъ:
Я пережилъ дѣтей, друзей я схоронилъ;

Начну ли провѣрять минувшихъ дней итоги?
 Обратно ль оглянусь съ томительной дороги?
 Вездѣ развалины, вездѣ слѣды утратъ
 О пройденномъ пути одни мнѣ говорятъ.
 Въ себя ли опущу я взоръ свой безотрадный?
 Все тѣ жъ развалины, все тотъ же пепелъ холодный
 Печально нахожу въ сердечной глубинѣ:
 И тамъ живымъ плодомъ жизнь не сказалась мнѣ.
 Талантъ, который былъ мнѣ данъ для приращенья,
 Оставилъ празднымъ я на жертву нерадѣнья;
 Все въ сѣмени самомъ моя убила лѣнь
 И чуждѣ былъ для меня созрѣвшей жатвы день.
 Боецъ безъ мужества и труженикъ безъ вѣры
 Побѣды не стяжалъ и не восполнилъ мѣры,
 Которая ему назначена была.
 Гдѣ жертвой и трудомъ подъятыя дѣла?
 Гдѣ воли торжество, благихъ трудовъ начало?
 Какъ много праздныхъ думъ, а подвиговъ какъ мало!
 Я жизни тайнства и смысла не постигъ;
 Я не сумѣлъ нести святыхъ ея веригъ
 И крестъ, ниспосланный мнѣ свыше мудрой волей,
 Какъ воину хоругвь дается въ ратномъ полѣ,—
 Безумно и грѣшно, чтобы вольнѣй итти,
 Снимая съ слабыхъ плечъ, бросалъ я по пути.
 Но догонялъ меня крестъ съ ношею суровой,
 Вновь тяготѣлъ на мнѣ и глубже язвой новой
 Насильно онъ въ меня вrostалъ.

Въ борьбѣ слѣпой,
 Не съ внутреннимъ врагомъ я бился, не съ собой;
 Но Промыслъ обойти пытался разумъ шаткой,
 Но Промыслъ обмануть хотѣлъ я, чтобъ украдкой
 Мнѣ выбиться на жизнь изъ подъ его руки
 И новый путь пробить, призванью вопреки.
 Но счастья тѣнь поймать не въ прокъ пошли усилья,
 А избранныхъ плодовъ несчастья не вкусилъ я.

И видя дней своихъ скудѣющую нить,
 Теперь, что къ гробу я все ближе подвигаюсь,
 Я только сознаю, что разучился жить,
 Но умирать не научаюсь.

ОСЕНЬ.

И въ осени своя есть прелесть. Блещетъ день.
 Прозрачны небеса и воздухъ. Рощи сѣнь
 Роскошно залита и пурпуромъ, и златомъ:
 Какъ день передъ своимъ торжественнымъ закатомъ,
 Пожаромъ чуднымъ грань небесъ воспламеня,
 На свой веченій одръ бросаетъ ткань огня,—
 Такъ въ осень теплую, въ сей поздній вечеръ года,
 Предъ тѣмъ чтобъ опочить, усталая природа,
 Лобзаніемъ любви прощаяся съ землею,
 Остатокъ благъ дарить ей щедрою рукой.
 Намъ каждый свѣтлый день неожиданная отрада.
 Последней зеленью благоуханной сада,
 Последней прелестью въ немъ увявшихъ розъ
 Любуется душа съ улыбкой, полной слезъ.
 Мигъ каждый дорогъ намъ; природы лаской каждой
 Мы упиваемся съ неутолимой жаждой.
 Убравъ въ богатый блескъ и рощи, и поля,
 Прощальный пиръ даютъ намъ небо и земля.
 Все празднично глядитъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и грустно
 И такъ и хочется, душевно и изустно,
 Избытокъ смутныхъ чувствъ, тѣснящихся въ груди,
 Любовь и страхъ о томъ, что ждетъ насъ впереди,

Когда намъ истина предстанетъ безъ покрова,—
 Излить въ созвучіи рыдающаго слова,
 Въ молитвенную пѣснь, въ послѣднее прости,
 Въ надгробный плачъ тому, что въ гробъ должно сойти.

Видали вѣрно вы красавицу младую,
 Которую недугъ въ добычу роковую
 Таинственно обрекъ себѣ. Цвѣтъ жизни въ ней,
 Роскошнымъ знаменьемъ ея весеннихъ дней,
 Казалось, такъ живущъ въ младомъ своемъ уборѣ:
 Румянецъ на щекахъ, огонь въ блестящемъ взорѣ.
 Но былъ лукавъ сей блескъ румянаго лица;
 Зловѣщій признакъ онъ ей близкаго конца;
 Ни скорби, ни врачу не отвратить удара.
 Но пламень глазъ ея былъ зарево пожара,
 Которымъ грудь ея сгарала въ тишинѣ.
 Любуясь на нее въ молчаньи, вамъ и мнѣ
 Такъ было сладостно, такъ ненаглядно-грустно,
 Такъ и хотѣлось намъ, душевно и изустно,
 Пропѣть прощальный гимнъ красавицѣ молодой,
 Еще прекраснѣй намъ предсмертной красотой!

ЗИМА.

Въ дни лѣта природа роскошно,
 Какъ дѣва молодая, цвѣтетъ
 И радостно, денно и ночью,
 Ликуетъ, пируетъ, поетъ.

Красуясь въ нарядѣ богатомъ,
 Природа царицей глядитъ,
 Сафирами, пурпуромъ, златомъ
 Облитая, чудно горитъ.

И пышныя кудри и косы
 Скользятъ съ подъ златаго вѣнца
 И утромъ, и вечеромъ росы
 Лелѣютъ румянецъ лица.

И полныя плечи, и груди—
 Все въ ней красота и любовь
 И ею любуются люди
 И жарче струится въ нихъ кровь.

Съ приманки влечетъ на приманку!
 Приманка приманки милѣй!
 И день съ ней восторгъ спозаранку,
 И ночь упоительна съ ней!

Но поздняя осень настанетъ,
 Природа состарится вдругъ;
 Съ днемъ каждымъ все вянетъ, все вянетъ—
 И ноетъ въ ней тайный недугъ.

Морщина морщину пригонитъ,
 Въ глазахъ потухающихъ тьма,
 Ко сну горемычную клонитъ—
 И вотъ къ ней приходитъ зима.

Изъ снѣжно-лебяжьяго пуху
 Спѣшитъ пуховикъ ей постлатъ
 И тихо уложить старуху,
 И скажетъ ей: спи, наша мать!

И спать она дни и недѣли,
 И полгода спать на пролетѣ
 И сосны надъ нею, и ели
 Раскинули темный наметъ.

И вьюга ночная тоскуетъ
 И воетъ надъ снѣжнымъ одромъ
 И мѣсяцъ морозный цѣлуетъ
 Старушку, убитую сномъ.

ЗИМОЮ.

Когда я былъ душою молодъ,
 Съ восторгомъ пѣлъ я первый снѣгъ;
 Зимы предвѣстникъ, первый холодъ
 Мнѣ былъ задаткомъ новыхъ нѣгъ.

Мнѣ нравилась въ тотъ возрастъ жаркій
 Зима подъ серебряннымъ вѣнцомъ,
 Зима съ своей улыбкой яркой
 И ослѣпительнымъ лицомъ.

Въ лѣтахъ и чувствахъ устарѣлый,
 Я нынѣ съ тайною тоской
 Смотрю, какъ вѣется пепель бѣлый
 Надъ унывающей землей.

Въ картинѣ вянущей природы
 Я вижу роковой намекъ,
 Какъ увядаютъ дни и годы,
 Какъ увядаетъ человекъ.

СМЕРТЬ.

Господь, ущедре и помилуй:
 Не дай мнѣ умереть зимой
 И лечь въ холодную могилу
 Подъ душевной крышей ледяной!

Нельзя помыслить безъ испуга,
 Что въ землю будешь ты зарытъ,
 Когда морозъ деретъ и вьюга
 Печально воетъ и свиститъ;

Когда земля покровомъ снѣжнымъ,
 Какъ саваномъ, облачена
 И міръ кладбищемъ безнадежнымъ
 Глядитъ въ оцѣпенѣнны сна.

И за покойника такъ больно;
 Но за родныхъ, но за друзей,
 За нимъ идущихъ богомольно,
 Еще тяжелѣй и больнѣй.

Нѣтъ, дай мнѣ, милосердый Боже!
 Заснуть моимъ послѣднимъ сномъ,
 Когда цвѣтетъ земное ложе
 И воздухъ растворенъ тепломъ;

Когда, благоуханьемъ полный,
 День пышетъ съ голубыхъ небесъ
 И солнце льетъ златыя волны
 На свѣжій лугъ и темный лѣсъ;

Когда такъ весело и пышно
 Земля пируетъ лѣтній пиръ
 И чувству видимо и слышно,
 Что этотъ міръ—есть Божій міръ;

Когда кипятъ природы силы
 Избыткомъ жизни и огня
 И улыбаются могилы
 Въ сіяньи золотого дня

И на кладбищѣ, словно чудомъ
 Ожившемъ, радуютъ глаза
 И ландышъ, перлъ подъ изумрудомъ,
 И незабудка-бирюза;

И на сирени благовонной,
 Подъ блескомъ мѣсячныхъ лучей,
 Кладбища гость, пѣвецъ безсонной,
 Звучить и стонетъ соловей.

Въ тѣ дни и смерть насъ не волнуетъ;
 Но въ сей верховный, тайный часъ,
 Лобзаньемъ братскимъ насъ цѣлуетъ
 И только умиряетъ насъ.

Отжившаго земные годы
 И утомленнаго бойца
 Ждутъ ласки матери природы
 И благость Бога и Отца.*

Онъ засыпаетъ въ тихой нѣгѣ
 И Ангелъ у его одра;
 Такъ въ сумракъ путникъ на ночлегъ
 Сну предается до утра.

И остающимся утрата
 Не так холодно-тяжела,
 Не так имъ страшно и за брата,
 Котораго земля взяла.

Въ великолѣпномъ этомъ храмѣ
 Нерукотворной красоты,
 При этомъ свѣжемъ еиміамѣ,
 Которымъ теплятся цвѣты,

При этомъ небѣ свѣтозарномъ,
 При этихъ чудныхъ красотахъ,
 Нѣтъ страха въ сердцѣ благодарномъ
 И нѣтъ роптанья на устахъ.

Прощаясь съ братомъ, мы приедемъ
 Свиданья радостный залогъ
 И гласу изъ могилы внемлемъ,
 Что Богъ живыхъ—и мертвыхъ Богъ.

БЕЗСОННИЦА.

Въ тоскѣ безсонницы, средь тишины ночной,
 Какъ раздражителенъ часовъ докучный бой!
 Какъ молотомъ кузнецъ стучитъ по наковальной,
 Такъ каждый ихъ ударъ, тяжелый и печальной,
 По сердцу моему однообразно бьетъ
 И съ каждымъ боемъ все тоска моя растетъ.
 Часы, «глаголь время», металла звонъ» надгробной,
 Чего вы отъ меня съ настойчивостью злобной
 Хотите? дайте мнѣ забыться. Я усталъ.

Кукушки вдоволь я намековъ насчиталъ.
 Я знаю и безъ васъ, что время мимолетно;
 Безостановочно оно; безповоротно!
 Тѣмъ лучше! и кому, въ комъ здравый разумъ есть,
 Охота бы пришла жизнь съизнова прочесть?
 Но, скучные часы моей безсонной пытки,
 Въ движеніяхъ своихъ куда какъ вы не прытки!
 И словно гири крыло обременя,
 Вы тащитесь по мнѣ, царапая меня.
 И сколько дикихъ думъ, безсмысленныхъ, несвязныхъ,
 Чудовищныхъ картинъ, видѣній безобразныхъ, —
 То вынырнуть изъ тьмы, то погружаясь въ тьму, —
 Мерещится глазамъ и грезится уму!
 Грудь давить темный страхъ и бѣшеная злоба,
 Когда змѣи ночной бездонная утроба
 За часомъ часъ начнетъ прожорливо глотать,
 А сна на жаркій одръ не сходить благодать.
 Тоска безсонницы, ты мнѣ давно знакома;
 Но все мнѣ не въ терпежъ твой гнетъ, твоя истома.
 Какъ будто въ первый разъ мнѣ измѣняетъ сонъ.
 И крѣпко накрѣпко былъ застрахованъ онъ;
 Какъ будто по ночамъ безсоннымъ не въ привычку
 Томительныхъ часовъ мнѣ слушать переключку;
 Какъ будто я и впрямъ на всероссійскій ладъ
 Спать богатырскимъ сномъ всегда и всюду радъ
 И только головой подушку чуть пригрю, —
 Ужъ съ Храповицкии рѣчь затягивать умѣю.

ДРУЗЬЯМЪ.

Я пью за здоровье не многихъ,
 Не многихъ, но вѣрныхъ друзей,
 Друзей неуклончиво-строгихъ
 Въ соблазнахъ измѣнчивыхъ дней.

Я пью за здоровье далекихъ,
 Далекихъ, но милыхъ друзей,
 Друзей, какъ и я, одинокихъ
 Средь чуждыхъ сердцамъ ихъ людей.

Въ мой кубокъ съ виномъ льются слезы,
 Но сладокъ и чистъ ихъ потокъ;
 Такъ съ алыми—черныя розы
 Вплелись въ мой застольный вѣнокъ.

Мой кубокъ за здравье не многихъ,
 Не многихъ, но вѣрныхъ друзей,
 Друзей неуклончиво-строгихъ
 Въ соблазнахъ измѣнчивыхъ дней;

За здравье и ближнихъ далекихъ,
 Далекихъ, но сердцу родныхъ
 И въ память друзей одинокихъ,
 Почившихъ въ могилахъ нѣмыхъ.

ДРУЖЕСКАЯ БЕСѢДА.

Въ старину не знали люди
 Ни заботъ, ни суеты;
 Не вздыхали тяжело груди,
 Не зѣвали скучно рты.
 Все плѣняло, веселило,
 Жизнь была за новизну;
 Нынѣ, все не то, что было,
 Все не то, что въ старину.

Дѣти нынѣ ужъ не дѣти,
 Жены въ бабушки глядятъ;
 Развязалъ разсудокъ сѣти,
 Гдѣ сидѣть былъ каждый радъ.
 Милымъ шалостямъ, веселью
 Объявили мы войну:
 Молодежь хоть завтра въ келью!
 То-ли было въ старину?

Я, бывало, куры строю,
 Гдѣ курятникъ нахожу;
 А теперь, подъ сѣдиною,
 Курамъ на смѣхъ я гляжу.
 На воздушной десятинѣ
 Башню строилъ не одну....
 Хоть *строитель* я и нынѣ,
 Но не тотъ, что въ старину.

Но на сердцѣ неврединю
 Застрахованъ уголокъ:
 Тутъ и годы идутъ мимо,
 И любовь все строить въ прокъ.
 Съ благодарною слезою
 Тутъ всегда вспомяну
 Я того, кто свѣжъ душою,
 Какъ въ младую старину.

Здравствуй, градъ перводержавной!
 Здравствуй, матушка Москва,
 Нашей Руси Православной
 Золотая голова!
 Надъ тобой сходились тучи,
 Смерть держала насъ въ плѣну,
 Но Богъ Русскій, Богъ могучій
 За тебя, какъ въ старину.

На тебя то нехристь грубый,
 То чума, то вдругъ Французъ,
 То холера скалить зубы:
 Видно лакомый ты кусъ!
 Что-жъ, заѣли? Нѣтъ, грибъ съѣли!
 И подъ стать Еропкину,
 Вновь хранителя мы зрѣли,
 Какъ въ святую старину.

Помнимъ мы его породу:
 Онъ старинныхъ предковъ кровь!
 Въ немъ къ Престолу и къ народу
 Пишетъ Русская любовь;
 Подъ благимъ его покровомъ
 Мы вкушаемъ тишину
 И Москва во блескѣ новомъ
 И пышнѣй, чѣмъ въ старину.

Здѣсь подѣ сѣнь роднаго круга,
 Безъ чиновъ и въ добрый часъ,
 Праздновать отца и друга
 Голосъ дружбы созвалъ насъ.
 Спѣсь, дукавство, умъ въ натяжку
 Здѣсь пошли-бъ, какъ ключъ, ко дну
 Нѣтъ, здѣсь сердце на распашку,
 Наголо, какъ въ старину.

Здѣсь все просто, добродушно,
 Изъ души и въ душу льнеть;
 Здѣсь хозяевамъ послушно
 Сердце сердцу вѣсть даетъ.
 И поэту здѣсь не нужно
 Лестью золотить струну:
 Пѣть онъ можетъ съ сердцемъ дружно,
 Какъ пѣвали въ старину.

Зашипѣ, бокалъ заздравный!
 Будь онъ знаменемъ добра!
 Грянемъ кликъ нашъ православный,
 Грянемъ Русское ура!
 Этимъ кликомъ молимъ съ проста
 Мы за мужа и жену:
 Чтوبъ пожить имъ лѣтъ хоть со-сто,
 Какъ живали въ старину.

ПѢСНЬ ВЪ ДЕНЬ ЮБИЛЕЯ

И. А. КРЫЛОВА.

На радость полу-вѣковую
 Скликаетъ насъ веселый зовъ:
 Здѣсь съ музой свадьбу золотую
 Сегодня празднуетъ Крыловъ.
 На этой свадьбѣ всѣ мы сватья
 И не къ чему таить вину:
 Всѣ за одно, всѣ безъ изъятя,
 Мы влюблены въ его жену.

Длись счастливою судьбою
 Нить любезныхъ намъ годовъ!
 Здравствуй, съ милой женою,
 Здравствуй, дѣдушка Крыловъ!

И этотъ бракъ былъ не безплодный,
 Самъ Фебъ его благословилъ!
 Потомству нашъ поэтъ народный
 Свое потомство укрѣпилъ.
 Изба его дѣтьми богата,
 Подъ сѣнью брачнаго вѣнца:
 И дѣти славные ребята!
 И дѣти всѣ умны—въ отца!

Длись судьбами всеблагими
 Нить любезныхъ намъ годовъ!
 Здравствуй, съ дѣтками своими
 Здравствуй, дѣдушка Крыловъ!

Мудрецъ игривый и глубокий,
 Простосердечное дитя,
 И дочкамъ онъ давалъ уроки,
 И бабушекъ училъ шутя.
 Искусствомъ ловкаго обмана,
 Гдѣ и кольнетъ изъ подъ пера:
 Тамъ Петръ киваетъ на Ивана,
 Иванъ киваетъ на Петра.

Длиась счастливою судьбою
 Нить любезныхъ намъ годовъ!
 Здравствуй, съ милою женою,
 Здравствуй, дѣдушка Крыловъ!

Гдѣ нужно, онъ навѣсть умѣетъ
 Свое волшебное стекло
 И въ зеркалѣ его яснѣетъ
 Суровой истины чело.
 Весь міръ въ рукахъ у чародѣя,
 Всѣ твари дань ему несутъ:
 Подъ дудку нашего Орфея
 Всѣ звѣри пляшутъ и поютъ.

Длиась судьбами всеблагими
 Нить любезныхъ намъ годовъ!
 Здравствуй, съ дѣтками своими,
 Здравствуй, дѣдушка Крыловъ!

Забавой онъ людей исправилъ,
 Сметая съ нихъ пороковъ пыль;
 Онъ баснями себя прославилъ
 И слава эта—наша быль.
 И не забудутъ этой были
 Пока по-Русски говорятъ:
 Ее давно мы затвердили,
 Ее и внуки затвердятъ.

Длись счастливою судьбою
 Нить любезныхъ намъ годовъ!
 Здравствуй, съ милою женою,
 Здравствуй, дѣдушка Крыловъ!

Чего ему намъ пожелать бы?
 Чтобы отъ свадьбы золотой
 Онъ дожилъ до алмазной свадьбы
 Съ своей столѣтнею женой.
 Онъ такъ безпечно, такъ досужно
 Прошелъ со славой долгій путь,
 Что до ста лѣтъ не будетъ нужно
 Ему прилечь и отдохнуть.

Длись судьбами всеблагими
 Нить любезныхъ намъ годовъ!
 Здравствуй, съ дѣтками своими,
 Здравствуй, дѣдушка Крыловъ!

ПѢСНЬ

НА ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ В. А. ЖУКОВСКАГО.

Въ этотъ день далъ Богъ намъ друга—
 И намъ праздникъ этотъ день!
 Пусть кругомъ снѣга и вьюга
 И январьской ночи тѣнь;
 Ты, Вьельгорскій! влагой юга
 Кубокъ сѣверный напѣнь!
 Всѣ мы выпьемъ, всѣ мы вскроемъ
 Дно сердець и кубковъ дно,
 Въ честь того, кого запоемъ
 Полюбили мы давно!

Будь нашъ тостъ ему отраденъ
И отъ города Петра
Пусть отгрянетъ въ Бадень-Бадень
Наше Русское ура!

Онъ чудесный даръ имѣетъ
Всѣхъ насъ спаивать кругомъ
Душу онъ душою грѣетъ,
Умъ чаруетъ онъ умомъ
И волшебнo слухъ злѣетъ
Упоительнымъ стихомъ.
И подъ старость духомъ юный,
Онъ все тотъ же чародѣй!
Сладкой пѣснью дышать струны
И душа полна лучей.

Будь нашъ тостъ ему отраденъ
И отъ города Петра
Пусть отгрянетъ въ Бадень-Бадень
Наше Русское ура!

Насъ судьбы размежевали,
Брошенъ онъ въ чужой конецъ;
Но насъ чувства съ нимъ связали,
Но онъ сердцемъ намъ близнецъ;
Ни разлуки нѣтъ, ни дали
Для сочувственныхъ сердецъ.
Нѣжной дружбы тайной силой
И судьбѣ на переломъ.
Въ насъ заочно—другъ нашъ милый
И мы жизнью сердца—въ немъ.

Будь нашъ тостъ ему отраденъ
И отъ города Петра
Пусть отгрянетъ въ Бадень-Бадень
Наше Русское ура!

Тихо-радостной тоскою
 Въ этотъ часъ объятый самъ,
 Можетъ стать, онъ мечтою
 Къ намъ прильнуль и внемлетъ намъ
 И улыбкой и слезою
 Откликается друзьямъ!
 Радость въ немъ съ печалью спорить,
 Онъ и счастливъ и грустить,
 Нашимъ пѣснямъ молча вторить
 И друзей благодарить.

Будь нашъ тостъ ему отраденъ
 И отъ города Петра
 Пусть отгрянетъ въ Бадень-Бадень
 Наше Русское ура!

ПРИВѢТСТВІЕ

В. А. ЖУКОВСКОМУ.

Не съ нами онъ, другъ милый, но заочной,
 Нашъ славный другъ, виновникъ торжества,
 Краса и честь поэзіи полночной,
 Жрецовъ ея жрець старшій и глава.

Когда въ сей день на перепутьи славномъ,
 Гдѣ онъ свершилъ полустолѣтній путь,
 Хотѣли бъ мы, въ привѣтствіи заздравномъ,
 Прижать къ груди сочувственную грудь,

Не съ нами онъ! Съ торжественнымъ обрядомъ
 Намъ не вѣнчать достойнаго чела,
 Ни рѣчью намъ не выразить, ни взглядомъ
 Всего, что въ насъ любовь къ нему загля.

Далече онъ! глазамъ искать напрасно!
 Но жизнь его, но жизни духъ и трудъ,
 Но блескъ ея, но все, чѣмъ тамъ прекрасно
 Въ немъ теплится души живой сосудъ,

Но все, чѣмъ онъ отъ Промысла призванье
 Передъ лицомъ Россіи оправдалъ,
 Все съ нами здѣсь, все наше достоянье—
 И жизнь свою онъ съ нашей сочеталъ.

Высокихъ думъ и прелесть и согласность,
 Любовь къ добру, смиренье съ правотой,
 И тихая, безоблачная ясность
 Души его младенчески-простой,

Все намъ слилось въ источникъ благородной
 Примѣрныхъ дѣлъ, возвышенныхъ отрядъ
 И высоко стоитъ въ семьѣ народной
 Нашъ лучшій другъ и нашъ почетный братъ.

Пѣвецъ царей и рати, и народа,
 Онъ вѣщій твой, о Русская земля,
 Въ святую брань двѣнадцатаго года,
 Предъ заревомъ пылавшаго Кремля!

На гуль грозы отеликнувшись душою,
 Младой пѣвецъ, отчизны вѣрный сынъ,
 Какъ подъ ружьемъ, онъ съ лирой боевою
 Стоялъ въ рядахъ Тарутинскихъ дружинъ.

И пѣснь его, пророческое вѣче,
 Зажгла восторгъ по радостнымъ полкамъ
 И грянула побѣда для нихъ предтечей
 И мстительной предвѣстницей врагамъ.

И въ наши дни, когда въ полетѣ новомъ
 На Араратъ орелъ нашъ возлетѣлъ,
 Пѣвецъ побѣдъ молніеноснымъ словомъ
 Царю побѣдъ пѣснь славы прогремѣлъ.

Еще предъ нимъ раскрылся жребій славной:
 Святой залогъ пріавъ изъ царскихъ рукъ,
 Онъ пробудилъ въ молодой семьѣ державной
 Благой разсвѣтъ познаній и наукъ.

И подвигомъ предъ совѣстью довольный,
 Онъ оправдалъ высокій свой удѣлъ:
 Любовь семьи и первенецъ престольный
 Предъ нимъ душой и благостью созрѣлъ.

На свѣтлый трудъ и царскій и сердечной
 Онъ призванъ былъ владыкой и отцемъ
 И не умереть съ молвою скоротечной
 Народное преданіе о немъ.

Такъ жизнь его была добромъ богата
 И много намъ еще готовить въ даръ;
 Вечерній лучъ прекраснаго заката
 Хранить еще блескъ утробній и жаръ.

Какъ юноша отважный и могучій,
 Съ Гомеромъ онъ вступаетъ смѣло въ бой
 И древній міръ картинъ и сладкозвучій
 Имъ обновленъ младою красотой.

И въ эти дни, когда страстей свирѣлость
 Мрачить умы и проливаетъ кровь,
 Онъ учить насъ, что обществъ связь и крѣпость
 Есть—Божій страхъ, покорность и любовь.

Храни его, благое Провидѣнье!
 Тебѣ о немъ въ насъ молятся сердца:
 Съ небесъ Твоихъ пошли благословенье
 На долгій вѣкъ супруга и отца!

Душа его по родинѣ тоскуетъ,
 А сердце въ немъ за милую болитъ,
 Ея недугъ—любовь, его волнуетъ
 И онъ сквозь слезъ на счастье глядитъ.

И молимъ мы: да ангелъ изцѣленья
 Пролетъ покой въ тоскующую грудь!
 И вслѣдъ за нимъ, да ангелъ возвращенья
 Подъ кровъ родной ему освѣтитъ путь!

Душою нашъ, нашъ славой и трудами,
 Да будетъ онъ и собесѣдникъ нашъ!
 И встрѣтимъ мы желаннаго цвѣтами
 И пѣснями, и возліяньемъ чашъ!

ПѢСНЬ ВЪ ДЕНЬ ЮБИЛЕЯ

ГРАФА Д. Н. БЛУДОВА.

Нашъ бойкій вѣкъ паритъ и пѣрить,
 Парами гонитъ онъ и жжетъ;
 Онъ жизнь торопитъ, время старить
 И все кричитъ: впередъ, впередъ!

Что день—то новое начало,
 Что день—съ вчерашнимъ днемъ разрывъ
 И что всѣхъ утромъ волновало,
 То къ вечеру сдано въ архивъ.

Дѣламъ и людямъ срокъ данъ малый.
 Вчерашній геній, поглядишь,
 Ужъ нынче олухъ запоздалый
 И вѣкъ любимцу кажетъ шишъ!

Преданій связь давно забыта,
 Съ прошедшимъ справиться смѣшно
 И память на глухо забита,
 Какъ въ домѣ лишнее окно.

Одно въ умѣ нашъ вѣкъ имѣть,
 Принявъ пословицу въ законъ:
 Что кто о старомъ вспомнить смѣетъ,
 Тому глазъ должно вырвать вонъ.

Ты не таковъ, и слава Богу!
 Глаза не выколешь ты намъ,
 Когда на старую дорогу
 Свернули къ старымъ мы друзьямъ.

Твой разумъ чуждъ предубѣждения,
 Не врагъ онъ доброй новизнѣ:
 Въ благихъ успѣхахъ просвѣщеня
 Идешь ты съ вѣкомъ наравнѣ.

Но старинѣ ты не измѣнникъ,
 Не прилѣпляясь къ новизнамъ,
 Ты не минутъ современникъ,
 Но современникъ всѣмъ вѣкамъ.

Ты въ памяти своей обширной
Хранишь преданья всѣхъ вѣковъ,
Любуясь выставкой всемірной
Всѣхъ дарованій и умовъ.

Фонъ-Визина ты шутки любишь
И Озерова звучный стихъ
Ты нынѣ лаской приглубишь,
Какъ сонъ и радость дней молодыхъ.

Въ сей день, друзьямъ твоимъ любезный,
Когда во цвѣтъ бодрыхъ силъ,
Ты жизни чистой и полезной
Полвѣка съ честью совершилъ,

Друзья сошлись въ твой кругъ семейный,
Чтобъ, безъ торжественныхъ затѣй,
Украсить пиръ твой юбилейный
Живой картиной прежнихъ дней.

Сложи трудовъ высокихъ бремя
И освѣжившись стариной,
Ты обочи скупое время
И сбрось полвѣка съ плечъ долой!

Сей вечеръ—радости и дружбѣ,
Сей вечеръ — съ нами отдохни!
А завтра, труженикъ на службѣ,
Полвѣка новые начни!

ПОСЛАНИЕ КЪ ГРАФУ

Д. Н. Б Л У Д О В У.

Тому полвѣка началъ ты
 Служенье обществу и благу.
 Имъ сердца свѣтлыя мечты,
 Имъ смѣлаго ума отвагу
 Отъ раннихъ дней ты посвятилъ
 И лѣтъ тебя не тронулъ холодъ:
 Еще ты нынѣ сердцемъ молодъ
 И бодрый умъ твой не остылъ.

Полвѣка—и сказать такъ страхъ!
 А пережить—куда какъ трудно!
 Жизнь сѣть щедро въ юныхъ дняхъ,
 Но часто осенью жнетъ скудно.
 Съ началомъ ссорится конецъ
 И вечеръ—утра выводъ ложный;
 Ты былъ и сѣятель надежный,
 И много выручившій жнецъ.

Ты честию почести стяжалъ
 Безъ посторонняго участя;
 Ты, запыхавшись, не бѣжалъ
 За приткой колесницей счастья,
 Чтобъ за подножку, на авось,
 Рукою жадной уцѣпиться;
 Ты счастья не искалъ добиться,—
 Оно въ тебѣ за умъ взялось.

И все прекрасное въ тебѣ
 Отъ искушенья уцѣлѣло:
 Дружьямъ ли, съ недругомъ въ борьбѣ,—
 Въ глаза смотрѣть ты можешь смѣло;
 Дружьямъ сберегъ ты цвѣтъ любви,
 Не опаленный знойнымъ счастьемъ;
 Предъ непріязненнымъ пристрастьемъ
 Въ поруку совѣсть призови.

Глупцамъ—глупцы есть и у насъ —
 Бываетъ содонъ умъ твой ѣдкой
 И мастерски не въ бровь, а въ глазъ
 Ты попадаешь шуткой меткой;
 И счету нѣтъ твоимъ стрѣламъ
 Въ твоемъ запасливомъ кочанѣ:
 Стрѣлялъ ты въ дѣдовъ—и заранѣ
 Грозишь ты внучатымъ глупцамъ.

Тебя не поглотилъ потокъ
 Текущихъ дѣлъ, потокъ чернильной:
 Въ себѣ отвелъ ты уголокъ
 Для жизни, чувствами обильной.
 И вся проникнута она
 Святымъ огнемъ духовной силы:
 Ты другъ и братъ пѣвцу Людмилы,
 Ты другомъ былъ Карамзина.

АЛЕКСАНДРУ АНДРЕЕВИЧУ ИВАНОВУ.

Я видѣлъ древній Іорданъ,
 Святой любви и страха полный,
 Въ его евангельскія волны,
 Купель крещенья христіанъ,
 Я погружался троекратно,
 Молясь, чтобъ и душа моя
 Отъ язвъ и пятенъ бытія
 Волной омылась благодатно.

Отъ оныхъ думъ, отъ оныхъ дней,
 Среди житейскихъ попеченій,
 Какъ мало свѣжихъ впечатлѣній
 Осталось на душѣ моей!
 Они поблекли подъ соблазномъ
 И ѣдкимъ холодомъ суеты:
 Во мнѣ паломника ужъ нѣтъ,
 Во мнѣ, давно сосудъ праздномъ.

Краснѣю глядя на тебя,
 Поэтъ и труженикъ-художникъ!
 Отвергнувъ льстивыхъ музъ треножникъ,
 И крестъ единый возлюбя,
 Святой земли жилецъ заочной,
 Ее душой ты угадалъ,
 Ее для насъ завоевалъ
 Своею кистью полномочной.

И что тебѣ народный судъ?
 Въ нашъ вѣкъ блестящихъ скороспѣлокъ,
 Промышленныхъ и всякихъ сдѣлокъ,
 Какъ добросовѣтенъ твой трудъ!

Въ одно созданье мысль и чувство,
 Всю жизнь сосредоточилъ ты;
 Поклонникъ чистой красоты,
 Ты свято вѣровалъ въ искусство.

Въ избыткѣ задушевныхъ силъ,
 Какъ схимникъ, жаждущій спасенья,
 Свой духъ постомъ уединенья
 Ты отрезвилъ, ты окрилялъ.
 Въ искусствѣ строго-одинокѣ
 Ты прожилъ долгіе года
 И то прозрѣлъ, что никогда
 Не увидать тѣлеснымъ окомъ.

Священной книги чудеса
 Тебѣ явились безъ покрова
 И надъ твоей главою снова
 Разверзлись въ славѣ небеса.
 Глазъ вопіющаго въ пустынь
 Ты слышалъ, ты уразумѣлъ —
 И ты сей день запечатлѣлъ
 Съ своей душой въ своей картинѣ.

Спокойно лоно свѣтлыхъ водъ;
 На берегу рѣки Предтеча;
 Изъ мѣстъ окрестныхъ, изъ далече,
 Къ нему стекается народъ;
 Онъ растворяетъ упованью
 Слѣпцовъ хладѣющую грудь;
 Уготовляя Божій путь,
 Народъ зоветъ онъ къ покаянью.

А тамъ спускается съ вершинъ
 Невѣдомый, смиренный странникъ:
 «Грядетъ онъ, Господа избранникъ,
 «Грядетъ на жатву Божій Сынъ.

«Въ рукѣ лопата: придетъ время,
 «Онъ отребить свое гумно,
 «Сберетъ пшеничное зерно
 «И въ пламя бросить злое сѣмя.

«Сильнѣй и впереди меня
 «Тотъ, Кто идетъ во слѣдъ за мною:
 «Ему,—припавъ къ ногамъ,—не стою
 «Я развязать съ ноги ремня.
 «Рожденья суетнаго міра,
 «Покайтесь: близокъ судъ. Бѣда
 «Древамъ, растущимъ безъ плода:
 «При корнѣ ихъ лежитъ сѣкира!»

Такъ говорилъ передъ толпой,
 Въ недоумѣннѣ ждавшей чуда,
 Покрытый кожею верблюда
 Посланникъ Божій, мужъ святой.
 Въ картинѣ, полной откровенья,
 Все это передалъ ты намъ,
 Какъ-будто отъ Предтечи самъ
 Ты принялъ таинство крещенья.

—

НА СМЕРТЬ А. А. ИВАНОВА.

I.

Въ тѣ дни, когда міръ пламенный и юный
 Прекраснаго поклонникъ страстный былъ,
 Когда рѣзецъ и кисть, и лиры струны
 Въ сердцахъ людей питали чистый пылъ,—
 Бойцы рвались на поле мирной битвы;
 Тутъ каждый былъ соперникъ, а не врагъ!
 О нихъ къ богамъ жрецовъ неслись молитвы,
 Имъ раздавалъ вѣнки ареопагъ.

О первенствѣ таланта или славы
 Другъ съ другомъ въ спорѣ вступали города;
 Служеньемъ музъ смягчались духъ и нравы
 И жизнь была свободна и горда;
 На праздникахъ народъ толпился шумно
 Не изъ одной лишь праздной суеты:
 Сихъ празднествъ блескъ въ немъ развивалъ разумно
 Сочувствія къ созданьямъ красоты.

День догоралъ. Еще не замеръ трепеть
 Въ сердцахъ толпы, притекшей къ торжеству;
 Восторговъ кликъ, судъ строгій, робкій лепеть
 Слились въ одну народную молву.
 Людская зыбь, какъ послѣ бури, бродить
 По площади, взволнованной кругомъ;
 Изъ устъ въ уста, какъ лозунгъ, переходитъ
 Все то-же имя, съ рѣчью все о немъ.

Но гдѣ же онъ, счастливый состязатель,
 Сорвавшій палму первенства въ бою?
 Съ ристалища сошелъ торжествователь,
 Не торопясь взять лично мзду евою.
 Укрылся онъ отъ обаяній славы,
 Отъ зависти, которая, какъ змѣй,
 Шипитъ въ тѣни и брызгами отравы
 Мараешь лавръ, столь ненавистный ей.

Онъ совершилъ свой подвигъ, онъ спокойно
 Возмогъ сознать, что честно совершилъ,
 Что въ суетныхъ волненьяхъ недостойно
 Не растерялъ онъ свыше данныхъ силъ,
 Что ихъ сберечь для цѣли благородной,
 Ее достигъ,—и предаетъ свой трудъ
 Грядущему, на судъ его свободной,
 Дневнымъ страстямъ не подлежащій судъ.

II.

На празднество искусства и отчизны
 И насъ на дняхъ созвалъ верховный жрецъ,
 Но праздникъ былъ—канунъ надгробной тризны
 И опоздалъ торжественный вѣнецъ:
 Онъ не вѣнчалъ почетомъ и любовью
 Чела, еще столь свѣтлаго вчера;
 Приникъ вѣнецъ къ нѣмому изголовью
 Бездушнаго и хладнаго одра.

Такъ умиралъ пѣвецъ предъ гордымъ Римомъ,
 Соперникъ твой въ могущество мечты!
 И онъ бродилъ въ раздумьи пилигримомъ
 Въ святой странѣ, гдѣ духомъ жилъ и ты!
 Боецъ креста, средь рыцарскаго стана,
 Онъ трепеталъ, узрѣвъ Ерусалимъ,
 Молился, пѣлъ,—и волны Иордана,
 Какъ предъ тобой, шумѣли и предъ нимъ.

Жизнь и ему была искусомъ строгимъ.
 Онъ выстрадалъ терпѣньемъ свой вѣнецъ
 И радостямъ высокимъ, но не многимъ,
 Цѣною жертвъ причастенъ былъ пѣвецъ.
 Паломники и духомъ братья! оба
 Избрали вы себѣ святую цѣль:
 Его мечту звала святыня гроба,
 Твою—Христа священная купель.

Похищенный внезапною грозою,
 Ты расчитаться съ жизнью не успѣлъ.
 Она-ль въ долгу осталась предъ тобою?
 Ты-ль выплатить весь долгъ ей не посмѣлъ?

Урокъ, тебѣ завѣщанный, сполна-ли
 Ты совершилъ? иль многіе въ груди
 Зородыши созданій прозябаи,
 Чтобъ въ жизнь и блескъ облечься впереди?

Не разгадать намъ тайны безпощадной!
 Опущена завѣса. Ты унесъ
 Въ безмолвный мракъ своей могилы холодной
 Отвѣтъ судьбы на тщетный нашъ вопросъ.
 И былъ ли подвигъ твой однимъ задаткомъ
 Того, что ты въ груди своей таилъ, —
 Но прочный слѣдъ на перепутыи краткомъ
 Ты знаменьемъ великимъ озарилъ.

Утѣшься, тѣнь, всѣмъ Русскимъ намъ родная!
 Мы памяти твоей не измѣнимъ.
 Твой ранній прахъ слезами омывая,
 Не о тебѣ, мы о себѣ скорбимъ.
 Тоской о нихъ, о мило-незабвенныхъ,
 Объята вновь уязвленная грудь:
 Обломками сосудовъ многоцѣнныхъ
 Безвременно покрытъ нашъ грустный путь.

III.

Иль суждено закономъ Провидѣнья
 Прекрасному всѣхъ раньше увядать?
 Иль не дано безпечнымъ намъ умѣнья
 Прекрасное беречь и уважать?
 Но лучшіе изъ насъ не долговѣчны.
 Передовыхъ уносить злобный рокъ
 И все растетъ сей списокъ безконечный
 На горе намъ, — быть можетъ, и въ упрекъ.

Жизнь избранныхъ есть боевое знамя,
 Имъ незнакомъ спокойныхъ душъ досугъ,
 Для немощи земной—умъ смѣлый, пламя
 И творчество—таинственный недугъ.
 Въ земной семьѣ съ небесъ переселенцы
 Не вѣдаютъ о многомъ на землѣ;
 Они средь насъ страдальцы и младенцы
 Съ божественной отмѣткой на челѣ.

Возлюбимъ ихъ, какъ насъ Учитель учить.
 О нихъ пещись онъ заповѣдалъ намъ:
 Подать имъ пить, когда ихъ жажда мучить
 И дать пріютъ бездомнымъ сиротамъ.
 Но болѣе всего,—имъ сострадая,
 Поможемъ имъ въ ихъ доблестной борьбѣ,
 Утѣшимъ ихъ, когда, изнемогая,
 Ихъ страждетъ духъ сомнѣніемъ въ себѣ.

Раскроемъ имъ и души, и объятя!
 На всѣхъ путяхъ и въ каждый тяжкій часъ,
 Да братьевъ въ насъ найдутъ и эти братья,
 Которые слабѣй и выше насъ.
 Отъ нихъ и мы возвысимся душою,
 Огня ихъ искра можетъ въ насъ упасть
 И свято мы признаемъ надъ собою
 Прекрасныхъ чувствъ и думъ глубокихъ власть.

ОСТАФЬЕВО.

Привѣтствую тебя, въ минувшемъ молодѣя,
 Давнишнихъ дней пріютъ, души моей Помпея!
 Было сльдъ вездѣ глубоко впечатлѣнь
 И на поляхъ твоихъ, и на твердынь стѣнъ
 Хранившаго меня родительскаго дома.
 Здѣсь и природа мнѣ такъ памятно-знакома;
 Здѣсь съ каждымъ деревомъ сроднился, сросся я,
 На что ни посмотрю—все было, все жизнь моя.
 Весь этотъ тѣсный міръ, преданьями богатый,
 Онъ мой—и я его. Всѣ блага, всѣ утраты,
 Все, что я пережилъ, все, чѣмъ еще живу,—
 Все чудится мнѣ здѣсь во снѣ и наяву.
 Я слышу голоса изъ-за глухой могилы;
 За милымъ образомъ мелькаетъ образъ милый....
 Нѣтъ, не Помпея ты, моя святыня, нѣтъ,
 Ты не развалина, не пепель древнихъ лѣтъ!
 Ты все еще жива, какъ и во время оно:
 Источникомъ живымъ кипитъ благое лоно,
 Въ которомъ утолялъ я жажду бытія.
 Не измѣнилась ты, но измѣнился я.
 Обломкомъ я стою въ виду твоей неглѣнной
 Святыни, предъ твоей красою неизмѣнной:
 Одинъ я устарѣлъ подъ ношею годовъ.
 Неузнанный вхожу подъ твой знакомый кровъ
 Я, запоздалый гость другаго поколѣнья.
 Но по тебѣ года прошли безъ разрушенія:
 Тобой люблюсь я, какой и прежде зналъ,
 Когда съ весной моей весь міръ мой расцвѣталъ.
 Все тѣ же мирныя и свѣжія картины.
 Деревья разрослись вдоль прудовой плотины,
 Предъ домомъ круглый лугъ, за домомъ темный садъ,
 Тамъ роща, тамъ оврагъ съ ручьемъ, кургановъ рядъ,

Нѣмая лѣтопись о безымянной битвѣ;
 Былѣтъ надъ прудомъ пристанище молитвѣ,
 Домъ Божій, всеѣмъ скорбямъ гостепріимный домъ.
 Тамъ привлекаютъ взоръ, далече и кругомъ
 Въ прозрачной синевѣ просторной панорамы:
 Широкія поля, селенья, Божьи храмы,
 Лѣса, какъ темный паръ, поемные луга
 И миловидные родные берега
 Извилистой Десны, Любучи молчаливой,
 Скользящей вдоль луговъ струей своей лѣнливой.
 Здѣсь мирныхъ поселянъ привѣтливый погостъ;
 Какъ на землѣ была проста ихъ жизнь, такъ просто
 И въ матери землѣ ночлегъ ихъ. Миръ глубокій.
 Обросшій влажнымъ мхомъ, здѣсь камень одинокій
 Безъ пышной похвалы подкупнаго рѣзца;
 Но дѣтямъ памятно, гдѣ тлѣетъ прахъ отца.
 Тамъ деревянный крестъ—и тотъ полуразрушенъ;
 Но мертвымъ здѣсь просторъ, но ихъ пріютъ не душень,
 И свѣтлая весна ласкающей рукой
 Даритъ и зелень имъ, и ландышъ полевой.
 Вездѣ все тотъ же кругъ знакомыхъ впечатлѣній.
 Смѣняются ряды пролетныхъ поколѣній,
 Но не мѣняются природа и душа
 И осень тихая все также хороша.
 Любуюсь грустно я сей жизнью полусонной
 И обнаженный лѣсъ безъ тѣни благовонной,
 Безъ яркой зелени, убранства лѣтнихъ дней,
 И этотъ хрупкій листъ, свалившійся съ вѣтвей,
 Который подъ ногой моей мятется съ шумомъ,—
 Мнѣ все сочувственно, все пища тайнымъ думамъ,
 Все въ умъ приводитъ мнѣ, что осень и моя
 Оборвала цвѣты былаго бытія.
 Но жизнь свое беретъ: на молодомъ просторѣ,
 Въ дни беззаботные и осень ей не въ горе.
 Отважныхъ мальчиковъ веселая орда
 Пускаетъ кубари по зеркалу пруда.

Крикъ, хохотъ. Обогнать другъ друга каждый ищетъ,
 А подъ коньками ледъ такъ и звенить и свищать.
 Вотъ ретивая пѣснь несется вдальекъ:
 То грянетъ удалю, то вдругъ замретъ въ тоскѣ
 И свѣтлымъ облакомъ на сердце тихо ляжетъ,
 И много думъ ему напомнить и доскажетъ.
 Но постепенно дня стихаютъ голоса;
 Серебрянная ночь взошла на небеса.
 Все полно тишины, сѣнья и прохлады.
 Вдоль блещущихъ столбовъ прозрачной колоннады
 Задумчиво брожу, предавшись весь мечтамъ
 И зыбко тѣнь моя ложится по плитамъ—
 И съ нею прошлыхъ дѣтъ и милыхъ поколѣній
 Изъ глубины ночной выглядываютъ тѣни.
 Я вопрошаю ихъ, прислушиваясь къ нимъ—
 И въ сердцѣ отзывъ есть привѣтамъ ихъ роднымъ.

ТРОПИНКА.

Кто тебя, моя тропинка,
 Проложилъ здѣсь въ первый разъ?
 Въ чащу лѣса, невидимка,
 Ты бѣжишь тайкомъ отъ глазъ.

И муравчатой колейкой,
 Какъ ручей среди тѣснинъ,
 Вьешься ты зеленой змѣйкой
 Между сосенъ и осинъ.

Пѣшеходъ-ли слѣдъ случайный
 Здѣсь разсѣянно пробилъ?
 Можетъ быть, сердечной тайны
 Молча слѣдъ онъ сохранилъ.

Можетъ быть, любви дорожка,
 Въ часъ вечерней темноты,
 По тебѣ скользила ножка
 Торопливой красоты.

Подавивъ свое дыханье
 И взволнованную грудь,
 Въ часъ условный на свиданье
 Шла двѣца въ темный путь.

Съ каждымъ вечеромъ все то же
 И все были вновь и вновь
 Ей знакомѣй и дороже
 Ночь, тропинка и любовь.

Жалко мнѣ бѣдняжку стало,
 Хоть не зналъ, кого мнѣ жаль;
 Но гдѣ счастье разсвѣтало,
 Тучкой тамъ пройдетъ печаль.

Былъ любви—все та же сказка!
 Тутъ не нужно колдуна,
 Чтобъ узнать, что за развязка
 Ей заранѣ суждена.

Мѣсяцъ, два, вдоль той тропинки,
 Здѣсь сливались съ двухъ сторонъ
 Два созвучья, двѣ росинки,
 Двѣ души: она и онъ.

Тамъ ходить онъ началъ рѣже,
 Тамъ и вовсе пересталъ:
 А она? въ ней чувства тѣ же,
 Но ихъ свѣтлый май увялъ.

И въ слезахъ проходить ночи,—
 Не проглянетъ счастья лучъ!
 И одинъ ей грустно въ очи
 Смотрять мѣсяцъ изъ-за тучъ.

А быть можетъ, все изъ бредней
 Я романъ свой сочинилъ
 И старушкою сосѣдней
 Этотъ слѣдъ протоптанъ былъ,

Вся въ морщинахъ и съ лукошкомъ,
 И сама какъ мухоморъ,
 За грибами той дорожкой
 Старушенка ходить въ боръ.

ЛѢСЪ ГОРИТЪ.

Глядишь—у бѣдняка во дни свирѣпой стужи
 Такъ холодно внутри, какъ холодно снаружи,
 А дома денегъ нѣтъ, чтобъ связку дровъ купить
 И печку вытопить и дѣтямъ щи сварить.
 Больной и работать не въ силахъ третьи сутки,
 Онъ видитъ, какъ его несчастные малютки,
 Въ лохмотьяхъ, посинѣвъ отъ холода, дрожать
 И скорбный духъ его въ немъ, словно камнемъ, сжать.
 И кажется ему въ судьбѣ его печальной,
 Что счастливъ только тотъ, кто можетъ въ теплой спальней
 Дѣтей своихъ согрѣть и уложить въ постель,
 Забывъ, что на дворѣ морозъ или метель.
 Когда бъ Господь ему послалъ два-три полѣна,
 Онъ въ радостныхъ слезахъ упалъ бы на колѣна,

Какъ въ бурю, пристани достигнувшій пловецъ
 Въ спасеньѣ признаетъ, что благъ къ нему Творецъ.
 Но счастья нѣтъ ему и не помогутъ слезы.
 Что праздникъ на дворѣ—крещенскіе морозы
 Одни ему о томъ напомянуть могли.
 А посмотрите, здѣсь на что дрова пошли.
 «Въ іюлѣ, въ самый зной, въ полуденную пору»
 Расшаркался огонь по высохшему бору.
 Сперва змѣей тайкомъ онъ прячется во мху
 И тихомолкомъ встѣ съ деревьевъ шелуху.
 Тамъ красный гребень свой и огненное жало
 Чудовище смѣлѣй выказывать ужъ стало.
 Клубами черный дымъ восходить до небесъ
 И вихремъ огненнымъ завылъ глубокій лѣсъ
 И разомъ обхвативъ верхи смолистыхъ сосенъ,
 Все ярче, все страшнѣй пожаръ молніеносенъ.

Какъ много нипочемъ тутъ выгорѣло дровъ!
 Когда бъ ихъ часть пошла на пользу бѣдняковъ,
 Не мало тяжкихъ нуждъ, отчаянья и плача
 Предупредить могла ихъ на зиму раздача.
 Какъ многихъ жалкихъ вдовъ и старцевъ, и сиротъ,
 Которыхъ печь пуста, какъ пустъ голодный ротъ,
 Согрѣлъ бы сей костеръ, какъ на смѣхъ братья нищей,
 Лѣсъ обратившій сплошь въ пустое пепелище.

Хозяину накладъ, а бѣднымъ не барышъ!
 И грустно на пожаръ въ сомнѣніи глядишь.
 Безумно и грѣшно роптать на Провидѣнье.
 Предъ волею его—покорное смиренье
 Одно убожище, одно спасенье намъ.
 Мы въ книгѣ Промысла читаемъ по складамъ;
 Намъ темень смыслъ ея: за буквой букву ловимъ.
 Начнемъ ли толковать, мы пуще пустословимъ.
 Намъ, дѣтямъ, не вполнѣ та грамота дана:
 Про насъ, но не при насъ написана она.

ЖЕЛАНИЕ.

Не искушай меня безъ нужды.

Баратынский.

Какъ въ беззащитную обитель
Вошедшій нагло тать ночной,
Желанье, хитрый искусьитель,
Довольно ты владѣло мной.

Протей, всегда разнообразный,
Во все приманки красоты,
Во все мечты, во все соблазны
Волшебно облакалось ты.

Меня влекло ты, уносило,
Какъ тамъ разсудокъ ни грози;
Вдали—все такъ казалось мило,
Все было приторно—вблизи.

Довольно рабъ твой безоружной
Тебѣ игралищемъ служилъ;
Въ душѣ усталой и недужной
Ужъ нѣтъ порывовъ, нѣтъ ужъ силъ.

Давно твое ихъ точить жало,
Давно исчерпанъ ключъ страстей;
Мою ты алчность раздражало,
Но пищи не давало ей.

Всегда искалъ я цѣлей новыхъ
И не достигъ ни до одной;
Цѣною опытовъ суровыхъ
Я дослужился на покой.

Но смертный слабъ, онъ малодушень,
 Онъ суетѣрень; вновь могу
 Невольно быть тебѣ послушень,
 Тебѣ, любезному врагу.

Мнѣ страшно думать, что, безумной,
 Желать еще способенъ я,
 Что въ море, подъ погодой шумной,
 Моя сорвется ладя.

Молю: улыбкой вѣроломной
 Не растравляй заснувшихъ ранъ,
 Не вызывай изъ бездны темной
 Сновъ, обличившихъ свой обманъ.

Безплодны будутъ заклинанья;
 Отстань, не искушай меня;
 Въ одномъ отсутствіи желанья
 Хочу провести остатокъ дня.

—

ВОЛШЕБНАЯ ОБИТЕЛЬ.

Когда бы не былъ я—за выслугою лѣтъ
 Въ безсрочномъ отпуску затерянный поэтъ,
 Когда во мнѣ еще не выдохлась бы сила
 Вливать огонь и жизнь въ холодныя чернила,
 О какъ бы радостно затрепеталъ мой стихъ,
 О какъ бы я легко въ избыткѣ чувствъ моихъ
 Воспѣлъ, откинувъ лесть и вымыселъ хвалебной,
 Хозяйку милую обители волшебной,

Гдѣ царствуетъ она безъ пышной суеты
 Единой прелестью ума и красоты!
 Въ тѣ дни какъ было бѣ мнѣ легко—рукой свободной
 Въ картинѣ пламенной и съ подлинникомъ сходной.
 Какъ въ зеркалѣ живомъ, изобразить ее
 И въ сельской тишинѣ ея житье-бытье.
 Представить, какъ она въ саду, богатомъ тѣнью.
 Внимая здѣсь и тамъ журчащихъ водъ паденью.
 Въ нарядѣ утреннемъ воздушна и свѣтла,
 Красивой ножкою, что кончикомъ крыла,
 Чуть вѣетъ по цвѣтамъ и изумрудной ткани
 И свѣжій нектаръ пьетъ живыхъ благоуханій.
 Все жизнь и радость въ ней! и мыслью, и душой,
 И ясною своей цвѣтущей красотой
 Она сливается сочувствій тайной силой
 Съ природой, какъ она, цвѣтущею и милой.
 Вхожу въ святилище. Здѣсь тихнетъ внѣшній шумъ:
 Здѣсь мыслящій досугъ, здѣсь чувство, вкусъ и умъ
 Въ роскошной простотѣ, при помощи взаимной,
 Устроили себѣ пріютъ гостепріимной.
 Свободно льется здѣсь радушный разговоръ:
 Не попадешь въ бѣду, когда и скажешь вздоръ.
 Здѣсь слушаетъ она фонъ Визина рассказы
 Ей *Стародумъ* его и *Ванька пучеглазый*
 Не дики. Прихоти заемной новизны
 Не заглушили въ ней народныхъ думъ струны
 И острый умъ ея, не чопорный и чуткій,
 Сочувствовать готовъ замашкѣ русской шутки.
 Родной поэзіи ей милы имена:
Татьяной Лариной любитъся она;
 Жуковского, еще младенцу въ колыбели,
 Ей пѣсни на душу волшебный сонъ напѣли—
 И сонъ сей на яву, сонъ чудной красоты,
 И жизнь въ ней расцвѣла всей прелестью мечты.
 Вотъ вечеръ наступилъ, роскошный вечеръ Мая;
 Конями рѣзвыми искусно управляя,

Летить она стрѣлой чрезъ поле и лѣса
 И къ ней ласкаются земля и небеса:
 То мѣсяцъ молодой къ добру ей свѣтитъ справа,
 То голубой заливъ, то темная дубрава
 Привѣтствуютъ ее прохладою своей
 И пѣснью звучныхъ волнъ, и шопотомъ вѣтвей.
 Но можно ли въ словахъ холодныхъ и несвязныхъ
 Всю предѣсть уловить красоту разнообразныхъ,
 Которыми глаза и умъ упоены?
 Какъ уловить перомъ всѣ радужные сны,
 Приснившіеся мнѣ въ очарованьи сладкомъ?
 Въ душѣ живетъ ихъ слѣдъ горячимъ отпечаткомъ;
 Къ прекрасному любовь въ душѣ еще жива,
 Но измѣняютъ мнѣ безсильныя слова.
 Такъ упраздненный жрецъ въ день праздничный, средь храма,
 Слабѣющей рукой не жжетъ ужъ еиміама
 Предъ свѣтлымъ образомъ богини красоты;
 Не онъ приноситъ въ даръ ей свѣжіе цвѣты;
 При жертвенныхъ огняхъ, въ благоуханьи дымномъ,
 Не онъ привѣтствуетъ богиню звучнымъ гимномъ:
 Другимъ, счастливѣйшимъ, онъ уступаетъ честь
 Ей дань угодную и гласную принести.
 И самъ, таясь въ тѣни, поклонникомъ смиреннымъ
 Онъ вторитъ про себя молениямъ вдохновеннымъ
 И пѣснью внутренней, и жертвою нѣмой
 Возносить душу онъ къ богинѣ молодой.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ НОЧЬ.

Дышетъ счастьемъ,
 Сладострастьемъ
 Упоительная ночь!
 Ночь нѣмая,
 Голубая,
 Неба сѣвернаго дочь!

Послѣ зноя тихо дремлетъ
 Прохлажденная земля;
 Не такая ль ночь объемлетъ
 Елисейскія поля?
 Тѣни легкія, мелькая,
 Въ свѣтломъ сумракѣ скользятъ,
 Ночи робко довѣряя
 То, что дню не говорятъ.

Дышетъ счастьемъ,
 Сладострастьемъ
 Упоительная ночь!
 Ночь нѣмая,
 Голубая,
 Неба сѣвернаго дочь!

Блещутъ свѣжестью сафирной
 Небо, воздухъ и Нева
 И купаясь въ влагѣ мирной
 Зеленѣютъ острова.
 Вѣсель мѣрные удары
 Раздаются на рѣкѣ
 И съ созвучьями гитары
 Замираютъ вдалекѣ.

Дышетъ счастьемъ,
 Сладострастьемъ
 Упоительная ночь!
 Ночь нѣмая,
 Голубая,
 Неба сѣвернаго дочь!

Какъ надъ ложемъ новобрачной
 Притаившіеся сны,
 Такъ въ ночи полупрозрачной
 Гаснутъ звѣзды съ вышины.
 Созерцанья и покоя
 Благодатные часы!
 Мирной ночи съ днемъ безъ зноя
 Чудомъ слитыя красы!

Дышетъ счастьемъ,
 Сладострастьемъ
 Упоительная ночь!
 Ночь нѣмая,
 Голубая,
 Неба сѣвернаго дочь!

Чистой нѣги, сладкой муки
 Грудь таинственно полна.
 Чу! волшебной пѣсни звуки
 Вылетаютъ изъ окна.
 Пой, красавица пѣвица!
 Пой, залетный соловей,
 Сладкозвучная царица
 Поэтическихъ ночей!

Дышетъ счастьемъ,
 Сладострастьемъ

Упоительная ночь!
 Ночь нѣмая,
 Голубая,
 Неба сѣвернаго дочь!

ВЕЧЕРЪ.

Прелестный вечеръ! въ сладкомъ обаяньи
 Душа притихла, словно въ чудномъ снѣ.
 И небеса въ безоблачномъ сіяньи
 И вся земля почилъ въ тишинѣ.

Куда бѣ глаза пытливо ни смотрѣли,
 Таинственной завѣсой міръ одѣтъ.
 Слухъ звука ждетъ, —но звуки онѣмѣли;
 Движенья ищетъ взоръ, —движенья нѣтъ.

Не дрогнетъ листъ, не зарыбится влага,
 Не проскользнетъ воздушная струя;
 Все тишь!.. какъ будто въ пресыщеньи блага
 Жизнь замерла и не слышать ея.

Но въ видимомъ бездѣйственномъ покоѣ,
 Не истощенье силъ, не мертвый сонъ;
 Присущвы здѣсь и таинство живое,
 И стройнаго могущества законъ.

И молча жизнь кругомъ благоухаетъ
 И въ неподвижной красотѣ своей
 Прохладный вечеръ, молча, расточаетъ
 Поэзію безъ звуковъ, безъ рѣчей.

И въ этотъ часъ, когда въ тѣни нѣмѣя,
 Все, притаясь, глубокой миръ хранитъ
 И тихій ангелъ, крыльями чуть вѣя,
 Землей лбуюясь, медленно паритъ,—

Природа вся цвѣтетъ, красуясь пышно
 И насъ склоня къ мечтамъ и забытью,
 Передаетъ незримо и неслышно
 Намъ всю любовь и душу всю свою.

КЪ НЕЙ.

Ты—свѣтлая звѣзда таинственнаго міра,
 Куда я возношусь изъ тѣсноты земной,
 Гдѣ ждетъ меня тобой настроенная лира,
 Гдѣ ждутъ меня мечты, согрѣтыя тобой.

Ты—облако мое, которымъ день мой мраченъ,
 Когда задумчиво я мыслю о тебѣ,
 Иль измѣрю путь, который намъ назначенъ
 И гдѣ судьба моя чужда твоей судьбѣ.

Ты—тихий сумракъ мой, которымъ грудь свѣжѣетъ,
 Когда на западѣ заботливаго дня
 Мой отдыхаетъ умъ и сердце вечерѣетъ
 И тѣни смертныя нисходятъ на меня.

ПРИ ПОСЫЛКѢ ДВУХЪ МОИХЪ ПОРТРЕТОВЪ.

Въ двухъ лицахъ—бьемъ челомъ и просимъ снисхожденья:
 Предъ совѣстью своей, надѣюсь, не грѣша,
 Вы скажете, принявъ мои изображенья:
 «Во всѣхъ ты, душенька, нарядахъ хороша
 «И только ты одинъ прекраснѣ портрета»

Но права моего двуличность не примѣта.
 Проселковъ не терплю: иду я напрямикъ.
 Что сердце чувствуетъ,—то говорить языкъ.
 Двуличнымъ предстою предъ вашими глазами.
 Но если вамъ скажу, признанья не тая,
 Что очень васъ люблю, что я люблюсь вами,
 О, вѣрьте мнѣ,—тогда не двоязыченъ я.

кѢ ***

Каждый день и поминутно
 Я смотрю на вашъ портретъ,
 Но безъ толку и безпутно:
 Въ немъ сдается вы мнѣ смутно,
 Вашей прелести въ немъ нѣтъ.

А когда одинъ съ собою
 Въ глубь сердечную гляжу,—
 Тамъ цвѣтущей, молодою,
 Рѣзвой, огненной, живою,
 Налицо васъ нахожу.

Я люблюсь вашимъ взглядомъ,
 Милой молніей души
 И ума игривымъ складомъ
 И твержу я сплошь да рядомъ:
 Боже! какъ вы хороши.

И бесѣдную я съ вами,
 Какъ бывало въ оны дни,
 Тамъ предъ швабскими горами,
 Иль подъ свѣжими шатрами
 Въ Бадень-Баденской тѣни.

Вновь судьбою своенравной
 Уношусь я въ тѣ края,
 Гдѣ прозрачно, тихо, плавно,
 На нѣмецкій ладъ, исправно
 Жизни катится струя.

Я нѣмецкую природу,
 Добрыхъ нѣмцевъ быть люблю,
 Ихъ сердечность, ихъ свободу,
 Даже страсть ихъ къ буттеръ-броду,
 Постигаю и дѣлю.

Много встрѣчу дѣвъ созрѣвшихъ,
 Много принцевъ и принцессъ,
 Похудѣвшихъ, потолстѣвшихъ
 И въ ковчегъ уцѣлѣвшихъ
 Допотопныхъ баронессъ.

Но увы! меня не встрѣтитъ
 Тамъ знакомая звѣзда,
 Мнѣ привѣтно не посвѣтитъ,
 Сердце сердцу не отвѣтитъ
 Какъ въ счастливое тогда.

Тѣнямъ память жизнь даруя,
Бросить въ прежнюю среду:
Запахъ розы тамъ найду я,
Но горя, но тоскуя,
Прежней розы не найду.

ЧЕРНЫЯ ОЧИ.

Южныя звѣзды! Черныя очи!
Неба чужаго огни!
Васъ ли встрѣчаютъ взоры мои
На небѣ хладномъ блѣдной полночи?

Юга созвѣздье! Сердца зенить!
Сердце, любяся вами,—
Южною нѣгой, южными снами
Бьется, томится, кипить.

Тайнымъ восторгомъ сердце объято,
Въ вашемъ старая огнь;
Звуковъ Петрарки, пѣсней Торквато
Ищешь въ нѣмой глубинѣ.

Тщетны порывы! Глухи напѣвы!
Въ сердцѣ нѣтъ пѣсней, увы!
Южныя очи Сѣверной дѣвы,
Нѣжныхъ и страстныхъ, какъ вы!

АЛЕКСАНДРІЙСКИЙ СТИХЪ.

А стихъ Александрійскій?..

Ужъ не его ль себѣ я залучу?

Извилистый, проворный, длинный, склизкій

И съ жаломъ даже, точная змія;

Мнѣ кажется, что съ нимъ управляю я.

Пушкинъ. Домикъ въ Коломнѣ.

Я признаюсь, люблю мой стихъ александрійскій,
 Ложится хорошо въ него языкъ російскій,
 Глаголь нашъ великанъ плечистый и съ брюшкомъ,
 Неповоротливый, тяжелый на подъемъ,
 И руки что шесты, и ноги что ходули,
 Въ тѣлодвиженіяхъ неловкій. На ходу-ли,
 Пядь полнобѣсную какъ въ землю вдавить онъ,
 Подумаешь, что тутъ прохаживался слонъ.
 А если пропустить слона иль бегемота,
 То настѣжь растворятъ широкія ворота:
 Въ калитку не пройдетъ: не дозволяетъ чинъ.
 Иному слову ростъ безъ малаго въ аршинъ;
 Тутъ какъ ни гни его рукою расторопной,
 Но все-же не вогнешь въ вашъ стихъ четверостопной.
 А въ нашемъ словарѣ не много ль словъ такихъ,
 Которыхъ не свезетъ и шестистопный стихъ?
 На утѣченъ словъ теперь пошла опала:
 Съ другими прочими и эта вольность пала.
 Въ златой поэтовъ вѣкъ, въ блаженные года,
 Отцы въ подстрижкѣ словъ не вѣдали стыда.
 Херасковъ и Княжнинъ, Петровъ и Богдановичъ,
 Державинъ, Дмитріевъ и самъ Василій Львовичъ,
 Какъ строго ни хранилъ классическій уставъ,
 Не клали подъ сукно поэту данныхъ правъ.
 Съ словами не чинясь, такъ поступали просто
 И Шекспиръ и Клопштокъ, Камдэнъ, Аріосто

И отъ того ихъ стихъ не хуже—видитъ Богъ,—
 Что здѣсь и тамъ они отскли лишній слогъ.
 Свободой дорожа, разумное ихъ племя
 Не измѣнило имъ и въ нынѣшнее время.
 Но мы, имъ вопрѣки, неволей дорожимъ:
 Надъ каждой буквой мы трясемся и корпимъ
 И отвергая сплюшь наслѣдственные льготы,
 Изъ слова нехотимъ пожертвовать юты.
 А въ пѣснахъ старины, въ сихъ свѣжихъ и живыхъ
 Преданьяхъ, въ отзывяхъ сочувствій намъ родныхъ,
 Гдѣ звучно врѣзались нашъ духъ и складъ народной,
 Гдѣ изливается душа струей свободной,
 Что птица Божія,—свободные пѣвцы
 Счастливой вольности намъ дали образцы.
 Ихъ бросивъ, отдались мы чопорнымъ французамъ
 И предали себя чужезычнымъ узамъ.
 На музу Русскую, полей привольныхъ дочь,
 Чтобъ красотѣ ея искусственно помочь,
 Надѣли мы корсетъ и оковали въ цѣпи
 Ее, свободную, какъ вѣтръ свободной стени.
 Святая старина! и то сказать, тогда,
 Законодатели и дѣла господа,
 Не вѣдали пѣвцы журнальныхъ гогъ-магоговъ;
 Имъ нестрашна была указка педагоговъ,
 Которые, другимъ указывая путь,
 Не въ силахъ за порогъ ногой перешагнуть
 И сидя на своемъ подмосткѣ, всенародно
 Многоглагольствуютъ обильно и бесплодно.
 Какъ-бы то ни было, но съ нашимъ словаремъ
 Александрійскій стихъ съ своимъ шестерикомъ
 Для громоздкихъ покладъ не лишняя упряжка
 И то еще пороѣ онъ охаетъ, бѣдняжка,
 И если бы къ нему на выручку подъ часъ,
 Хоть пару, или двѣ имѣть еще въ запасъ,
 (Какъ на крутыхъ горахъ волами на подмогу
 Вывозятъ экипажъ на ровную дорогу,)

Не знаю какъ другимъ, которыхъ боекъ стихъ
 И вывезть мысль готовъ безъ нужды въ подставныхъ, —
 Но стихоплетамъ, намъ изъ дюжиннаго круга,
 Въ сихъ припряжныхъ волахъ подъ стать была бь услуга.
 Извѣстно: въ старину російскій грекофилъ
 Гекзаметръ древняго покроя обновилъ,
 Но сглазилъ самъ его злосчастный Третьяковскій;
 Тамъ Гнѣдичъ въ ходъ пустилъ и въ честь возвелъ Жуковскій.
 Конечно, этотъ стихъ на прочихъ не похожъ:
 Онъ помѣстителевъ, гостепріименъ то-жъ
 И многія слова, величиной въ Феодору,
 Находятъ въ немъ пріютъ, благодаря простору.
 Битвъ прежнихъ не хочу поднять и шумъ и пыль;
 Ужъ въ общинѣ стиховъ гекзаметръ не бобыль:
 Уваровъ за него сражался въ полѣ чистомъ
 И съ блескомъ одержалъ побѣду надъ Капнистомъ.
 Подъ бойкой стычкой ихъ, (дошелъ до насъ рассказъ)
 Бесѣда, царство сна, проснулась въ первый разъ.
 Я знаю, что о томъ давно ужъ споры стихли.
 А все таки спрошу: гекзаметръ полно стихъ-ли?
 Тѣнь милая! прости, что дерзко и шутя,
 Твоихъ преклонныхъ лѣтъ любимое дитя
 Злословлю. Но не твой гекзаметръ, сердцу милой,
 Пытаюсь уколоть я эпиграммой хилой.
 Гекзаметръ твой люблю читать и величать,
 Какъ все, на чемъ горитъ руки твоей печать.
 Особенно люблю, когда съ слѣпцомъ всезрячимъ
 Отважно на моряхъ ты по слѣдамъ горячимъ
 Улисса странствуешь и кормчій твой Омиръ
 Въ гексаметрахъ твоихъ насъ вводитъ въ новый міръ.
 Тамъ свѣжей древностью и жизнью первобытной
 Съ природой за одно, въ сѣни ея защитной
 Все дышетъ и цвѣтетъ въ спокойной красотѣ.
 Искусства не видать: искусство въ простотѣ;
 Гексаметру во слѣдъ—гекзаметръ жизнью полный.
 Такъ въ полноводіе рѣки широкой волны

Свободно катятся и береговъ краса,
 И вѣчной прелестью младая небеса
 Рисуются въ стеклѣ прозрачности прохладной.
 Не налюбуйшься картиной ненаглядной,
 Наслушаться нельзя поэзіи твоей.
 Міръ внѣшней красоты, міръ внутреннихъ страстей,
 Рой помысловъ благихъ и помысловъ порочныхъ,
 Дѣйствительность и сны видѣній, намъ зоочныхъ,
 Изъ области мечты привѣтный блескъ и вѣсть,
 Вся жизнь какъ есть она, весь человѣкъ какъ есть,—
 Въ твоихъ гекзаметрахъ, съ природы вѣрныхъ сколкахъ
 (И какъ тутъ помышлять о нашихъ школьныхъ толкахъ?),
 Все отражается, какъ въ зеркалѣ живомъ.
 Твой не читаешь стихъ,—живешь съ твоимъ стихомъ.
 Для насъ стихи твои не мѣрныхъ словъ таблица:
 Звучить живая рѣчь, глядятъ живыя лица.
 Все такъ! но, признаюсь, по рвѣмъ я грущу
 И по опушкѣ строфъ ее съ тоской ищущу.
 Такъ дѣти въ лѣтній день, преслѣдуя забавы,
 Порхаютъ весело тропинкой вдоль дубравы
 И стережетъ и ждетъ ихъ жадная рука,
 То красной ягодки, то пестраго цвѣтка.
 Такъ, признаюсь, мила мнѣ риема-побракушка,
 Дѣтей до старости веселая игрушка.
 Аукаться люблю я съ нею въ темноту,
 Нечаянно ловить шалунью на лету
 И по каймѣ стиховъ и съ прихотью и съ блескомъ
 Ткань украшать свою игривымъ арабескомъ.
 Мнѣ бѣлые стихи—что дѣва-красота,
 Которой не цвѣтутъ улыбкою уста.
 А можетъ быть и то, что виноградъ мнѣ кисель,
 Что сроду я немогъ сложить созвучныхъ чиселъ
 Въ гекзаметръ правильный,— что, на мою бѣду,
 Знать, къ ямбу я приросъ и съ ямбомъ въ гробъ сойду.



ОТДѢЛЪ II.

ЗАМѢТКИ.

1.

«Зачѣмъ глупцовъ ты задѣваешь?»
Не разъ мнѣ Пушкинъ говорилъ;
«Ихъ не сразишь, хотъ поражаешь;
«Въ нихъ перевѣсъ числа и силъ.

«Противъ тебя у нихъ орудья:
«На сплетни — злые языки,
«На убѣжденъе простолюдыя—
«У нихъ печатные станки.

«Ты только имъ къ возстанью служишь;
«Пожалуй ранишь кой-кого:
«Что жъ? одного обезоружишь,
«А сотня встанетъ за него.»

Советъ разуменъ былъ. Но къ горю,
Не вразумилъ меня советъ;
До старыхъ лѣтъ съ глупцами спорю,
А переспорить средства нѣтъ.

Сѣдинамъ въ бороду, на встрѣчу,
Знать завсегда и бѣсъ въ ребро:
Какъ скоро глупость гдѣ подмѣчу,
Сейчасъ зачесется перо.

—

2.

У СТРАХА ГЛАЗА ВЕЛИКИ.

Есть люди,—и такихъ не мало,—
Вся жизнь ихъ безконечный страхъ,
Не Божій, мудрости начало,
А страхъ больной съ бѣльмомъ въ глазахъ.

Глаза ихъ чѣмъ тупѣй и лживѣй,
Тѣмъ дальновиднѣй быть хотятъ.
Ихъ мудрость въ томъ, что все пугливѣй
Они на все и всѣхъ глядятъ.

Они живутъ въ особомъ мірѣ;
Имъ мало видѣть то, что есть:
Гдѣ прочимъ дважды два четыре,
Тамъ имъ съ испугу—пять и шесть.

У нихъ всегда, какъ отъ угара,
Въ глазахъ рябитъ, въ ушахъ звенить;
Имъ свѣчка—заревъ пожара,
Набатовъ—каждый шумъ звучить.

Предусмотрительность ихъ мучить,
 Но прозорливость ихъ смѣшна;
 Она въ быка лягушку пучить,
 И муху жалуешь въ слона.

Огонь ли дальный домъ затронетъ?
 У нихъ ужъ дѣйствуетъ труба
 И какъ во дни потопа, тонетъ
 Ихъ неповинная изба.

Кто заболѣетъ въ дальномъ царствѣ,
 Хотя за тридевять земель,—
 Они сидятъ ужъ на лекарствѣ
 И лечь готовятся въ постель.

Закрыты ставни, чтобъ заразой
 Къ нимъ внѣшній воздухъ не проникъ;
 И смотритъ докторъ пучеглазый
 Разъ двадцать на день ихъ языкъ.

Чтобъ оставаться невредимо,
 Чтобъ съ мѣста тронуться, чтобъ встать,
 Имъ напередъ необходимо
 Себя зашить, запаковать.

Все озираясь, слѣва, справа,
 На цыпкахъ выступаетъ трусь,
 Какъ будто подъ ногами лава
 Иль землю взбударажилъ трусь.

Они готовы, въ ослѣпленьи,
 Когда бъ ихъ страху волю дать,
 На карантинномъ положеньи
 Весь Божій міръ пересоздать.

Ихъ блажь себя дурманомъ кормить
И тотъ одинъ у нихъ съ умомъ,
Кто такъ себя захлороформить,
Чтобъ жизнь оцѣнила въ немъ.

Нельзя глядѣть на нихъ безъ смѣха,
Но грусти этотъ смѣхъ сродни;
Въ вратахъ добра, въ вратахъ успѣха, —
Какъ пугала, торчатъ они.

Благоразумія личиной
Свой малодушный умъ прикрывъ,
Они ложатся тяжкой льдиной
На каждый доблестный порывъ.

Стращаютъ мысль и упованья,
Развязкой горькой имъ грозя;
На всѣ вопросы, всѣ призванья
Одинъ отвѣтъ у нихъ: нельзя!

Нельзя! твердятъ сыны косиѣнья;
Но въ человѣческой груди
Къ чему жъ сей лозунгъ Провидѣнья?
«Трудись, надѣйся и гряди!»

Самонадѣянность насъ губить,
И мнительность, болѣзнь ума:
Одна теряться въ тучахъ любить,
Другой, — что новость, то чума.

Мужъ благодушья, воли твердой
Равно умѣетъ пренебречь
Пылъ опрометчивости гордой
И робость, сей Дамокловъ мечъ

Ягненочка съ волкомъ, какъ съ ровней,
 Бокъ о бокъ въ рѣкѣ напоить,
 А что и того баснословнѣй:
 Людей межъ собой согласить;

Въ законахъ, гонясь не за буквой,
 Всѣ руки на все развязать
 И если нѣтъ денегъ,—то клюквой
 Съ народа налоги собирать.

А тоже—хорошіе люди;
 Но умъ ихъ маленько въ бѣгахъ:
 Палать изъ бумажныхъ орудій,
 Плывуть на бумажныхъ судахъ—

И вѣрятъ, что сдастся имъ крѣпость,
 Что берегъ у нихъ подъ рукой;
 Что имъ ни приснись за нелѣпость,—
 Хотать ей дать образъ живой.

И хлопая глупо ушами,
 Глаза растараща и ротъ,
 Пророковъ въ нихъ вида, толпами
 Кругомъ ихъ тѣснится народъ.

Ихъ розказнямъ вѣрить онъ слѣпо;
 За былъ небылицы идуть;
 Предъ тѣмъ, что до нельзя нелѣпо,
 Тутъ слюнки ихъ слаще текутъ.

Морочить людей, ихъ дурачить,
 Имъ пылью глаза закидать—
 Есть способъ: сперва озадачить,
 Чтобъ тамъ ихъ вѣрнѣй осѣдлать.

Не вѣрится правда простая,
 А вѣрать въ кудрявую ложь.
 За нею гоняясь и лая,
 Народъ съ той собакою схожъ,

Которая (помните притчу?)
 Роняетъ, что держитъ въ зубахъ,
 Прельстившись въ рѣкъ на добычу,
 Мелькнувшую тѣнью въ струяхъ.

IV.

Куда ни посмотришь—все то же:
 Въ однихъ—чуть не всѣхъ признаю.
 Но кто же, о Господи Боже!
 Воздѣлаетъ ниву твою?

Кто въ почву благую посѣетъ
 Благія твои сѣмена?
 Кто жатвой управитъ сѣумѣетъ,
 Когда подоспѣетъ она?

Гдѣ твердые мыслью и дѣломъ?
 Гдѣ чистые свѣтлой душой,
 Готовые въ подвигѣ смѣломъ
 Пожертвовать братьямъ собой?

Готовые съ ревностью скромной
 Быть нынче, какъ были вчера,
 Пчелою незамѣтной и темной
 Въ общественныхъ ульяхъ добра?

Быть колосомъ въ общей запашкѣ
И помня народный глаголъ,
Быть ниткою съ міра въ рубашкѣ
Тому, кто и бѣдень, и голъ?

Ищу съ фонаремъ Діогена;
Сдается,—вотъ встрѣчу, авось!
Людей чередуется смѣна,—
А свѣчки задуть не пришлось!

14.

Для стариковъ я слишкомъ молодъ,
Для молодыхъ я слишкомъ старъ:
Одни въ вину мнѣ ставятъ—холодъ,
Другіе—неумѣстный жаръ.

Кому кажусь «въ отгнѣхъ аломъ»,
Кому-же выжившимъ изъ лѣтъ
И въ тупоумьи запоздаломъ,
Не знающимъ: гдѣ тьма, гдѣ свѣтъ?

Идешь-ли среднею дорогой?
Тебѣ со всеми врозь идти;
Ни добрымъ словомъ, ни подмогой
Ни кто не встрѣтитъ на пути.

Но къ крайности себя причисли—
И застрахованъ твой успѣхъ;
Спокойный умъ и зрѣлость мысли
Для многихъ—жалость или смѣхъ.

Пройди общественные рынки,
Публичныхъ выставокъ ряды:
Все недозрѣлыя новинки,
Иль переспѣлые плоды.

—

15.

Послушать—вѣкъ нашъ вѣкъ свободы,
А въ сущность глубже загляни:
Свободныхъ мыслей коноводы
Восточнымъ деспотамъ сродни.

У нихъ два вѣса, два мѣрила,
Двоякій взглядъ, двоякій судъ:
Себѣ дается власть и сила.
Своихъ—на верхъ, другихъ—подъ спудъ.

У нихъ на все есть лозунгъ строгой
Подъ либеральнымъ ихъ клеймомъ;
Не смѣй итти своей дорогой,
Не смѣй ты жить своимъ умомъ.

Когда кого они прославятъ,—
Предъ тѣмъ колѣна преклони;
Кого они опалой давятъ,—
Въ того и ты за нихъ лягни.

Свобода,—правда,—сахаръ сладкій,
 Но отъ плантаторовъ бѣда:
 Куда какъ тяжки ихъ порядки
 Рабамъ свободнаго труда!

Свобода—превращеньемъ роли
 На ихъ условномъ языкѣ
 Есть отреченье личной воли,
 Чтобъ быть винтомъ въ паровикѣ;

Быть попугаемъ однозвучнымъ,
 Который, весь оторопѣвъ,
 Твердить съ усердіемъ докучнымъ
 Ему насчитанный напѣвъ.

Скажу съ сознаніемъ печальнымъ:
 Не вижу разницы большой—
 Между холопствомъ либеральнымъ
 И всякой барщиной другой.

—
 16.

Свободой дорожу, но не свободой вашей,
 Не той, которой вы привыкли промышлять,
 Какъ цѣловальники въ шинкахъ хмѣльною чашей,
 Чтобъ разумъ омрачить и сердце обуять.

Есть благородная и чистая свобода,
 Возвышенной души сокровище и страсть:
 Святиныя,—не попретъ ея судьбы невзгода,
 Враждѣ людей—ея твердыни не потрясть.

Она—любовь и миръ, и благодать, и сила,
 Духовной воли въ ней зачатокъ и залогъ;
 Я ей не измѣнялъ и мнѣ не измѣнила
 Она—и сторожить домашній мой порогъ.

Я пребылъ вѣренъ ей подь солнцемъ и подь тучей,
 Мнѣ внутренней броней она всегда была.
 Не падалъ духомъ я во слѣдъ звѣздъ падучей,
 При восходящей—я не возносилъ чела.

Кто рабствуетъ страстямъ, тотъ въ рабствѣ безнадежномъ.
 Свободу дай ему, онъ тотъ же будетъ рабъ;
 Дай власть ему—въ чаду болѣзненно-мятежномъ,
 Въ могуществѣ самомъ онъ малодушно слабъ.

Онъ недоувѣрчивъ, онъ завистливъ, преданъ страху,
 Дамокловъ мечъ всегда скользитъ по головѣ;
 Душой свободенъ былъ Шенье, всходя на плаху,
 А Робеспьеръ былъ рабъ въ кровавомъ торжествѣ.

Подъ злобой записной къ отличіямъ и къ роду
 Желчь хворой зависти скрывается подъ чась—
 И то, что выдаютъ за гордую свободу,
 Есть часто ненависть къ тому, кто выше насъ.

Есть древняя вражда: къ каретамъ—пѣшехода,
 Лѣнивой нищеты—къ богатому труду,
 Къ барону Штиглицу того, кто безъ дохода,
 Иль обвиненнаго къ законному суду.

Смѣшенъ сей новый Гракхъ республики журнальной,
 Который отъ чиновъ не прочь, (но прочь они),
 Когда начнетъ косить косою либеральной
 Заслуги, родъ, и знать, и все, что имъ сродни.

На всѣхъ сверкаетъ онъ молніеноснымъ глазомъ
И чтобъ вѣрнѣй любовь къ свободѣ доказать,
Онъ силится смотрѣть свирѣлымъ дикобразомъ
И съ пѣной на губахъ зубами скрежетать.

Забавный мученикъ! бѣдняжкѣ неизвѣстно,
Что можно во сто разъ простѣй свободнымъ быть
И мнѣня своего и убѣжденій честно
Держаться, а людей, пугая, не смѣшить.

Любимый гость двора подъ царскосельской тѣнью,
Въ державномъ обществѣ мудрецъ и гражданинъ,
Покорный одному сердечному влеченію,
Твердъ и свободенъ былъ правдивый Карамзинъ.

Жуковскій во дворцѣ былъ отрокомъ Бѣлева:
Онъ вѣру, и мечты, и кротость сохранилъ
И дѣвственной души онъ ни лукавствомъ слова,
Ни тѣнью трусости, дитя, не пристыдилъ.

Свободенъ тотъ одинъ, кто умирилъ желанья,
Кто свѣтелъ и душой, и помысленіемъ чистъ,
Кого не обольстятъ толпы рукоплесканья,
Кого не уязвить нахальной черни свистъ.

Свободу возлюбя, гнушаясь своеволюемъ,
На язвы общества, чтобъ глубже ихъ разжечь,
Не обращаетъ онъ съ лукавымъ сердоболемъ
Тлетворную, какъ ядъ, заносчивую рѣчь.

Нелѣпнымъ равенствомъ онъ высшихъ не унижитъ,
Но въ предназначенной отъ промысла борьбѣ,
Посредникъ, онъ бойцовъ любовнымъ словомъ сблизитъ
И скажетъ старшему: и младшій—братъ тебѣ.

17.

Вы гласность любите, но въ одиночку, съ правомъ,
 Чтобъ голосъ вашъ одинъ руководилъ толпу;
 Но голосу другихъ, драконовскимъ уставомъ,
 Нѣтъ мѣста въ гласности у васъ на откупъ.

Неволи худшей нѣтъ—свободы по заказу,
 Когда во славу ей и мнѣнію въ чести,
 Такъ, а не иначе—велятъ и видѣтъ глазу,
 Такъ, а не иначе—устаи рѣчь вести.

Односторонній умъ лишь годенъ на стоянку;
 Свободнымъ плаваньемъ онъ не заходитъ въ даль;
 Онъ тотъ-же Фамусовъ, но только на изнанку,
 Молчалинъ тотъ-же онъ, но только громкій враль.

«Сужденія своего имѣть и онъ не смѣетъ»,
 Но затвердивъ наказъ урочныхъ фразъ и словъ,
 Послушливый и въ томъ, чего не разумѣтъ,
 Передовому онъ поддакивать готовъ.

«Очаковскіе время» исчезли бригадиры,
 Но сѣмя ихъ въ иномъ подобьи расцвѣло:
 Есть новые тузы, есть новые кумиры
 И старое тряпье въ подкраску перешло.

Прихвостниковъ найдешь и въ ложныхъ либералахъ;
 Но держатся они не прежняго хвоста;
 Неурожая нѣтъ въ лѣстецахъ и подлипалахъ,
 Но ихъ пріемъ не тотъ и вывѣска не та.

Будь новый Ювеналъ, будь новый Грибоѣдовъ,
 А Репетиловыхъ отыщеть чуткій носъ;
 И съ внуковъ взыщется за осмѣяныя дѣдовъ;
 А кто смѣшнѣй изъ нихъ? Сомнителенъ вопросъ.

18.

Что такъ шумите вы?— Отстаиваемъ гласность.—
 —Богъ въ помощь вамъ; но шумъ и гласность—не одно:
 Цѣль гласности—привести дѣла скорѣе въ ясность
 А въ шумѣ истину разслушать мѣдленно.

Прекрасны могутъ быть и *митинги*, и *спичи*
 И Македонскій царь достоинъ похвалы,
 Но какъ онъ ни великъ, а правъ и Городничій:
 Нѣтъ повода ломать и стулья и столы!

19.

«Намъ кое-что еще темно въ натурѣ,
 «Но съ нравственныхъ наукъ ужъ снять покровъ
 «И въ обличительной литературѣ
 «Достигли мы иракловыхъ столповъ.

«Мы создали сей родъ. Мы вѣтвью новой
 «Украсили познанья древо. Мы
 «Растормошили истиной суровой
 «Въ самозабвеньи спящіе умы.

Вотъ каково. Спасибо, что сказали;
 А думалъ я по простотѣ своей,
 Что многіе до васъ ужъ обличали
 Пороки, страсти, немощи людей;

Что не дремала грозная сѣкира,
 Негодные сучки срубая сплошь;
 Что драма, баснь, исторія, сатира
 Карали зло, невѣжество и ложь.

Что напрімѣръ, хоть Тацитъ, мимоходомъ,
 Довольно меткій обличитель былъ
 Что Ювеналъ, безстрашный предъ народомъ,
 Его въ стихахъ, какъ въ зеркалѣ, стыдилъ.

Что Молиеръ, что Шекспиръ и другіе,
 Которыхъ взоръ пронзалъ, какъ острый лучъ,
 Изгибы сердца, тайники глухіе,
 Гдѣ къ жизни внутренней таится ключъ,—

Что всѣ они, присматриваясь къ вѣку,
 Гнушаясь зломъ и правду возлюбя,
 Уликами внушали человѣку
 И познавать и исправлять себя.

Что и у насъ Фонъ-Визинъ, Сумароковъ,
 Державинъ самъ и наконецъ Крыловъ
 Срывали маску съ будничныхъ пороковъ
 И съ гордаго лица временщиковъ.

«Отчасти такъ, но были то попытки;
 «Не шли впередъ несмѣлые умы;
 «А намъ далось—жизнь разобрать до нитки
 «И добрались до будочниковъ мы.

«Житейскихъ битвъ, великихъ драмъ житейскихъ
 «Мы изучали тайный смыслъ и связь;
 «Мы сплетней соръ выносимъ изъ лакейскихъ
 «И въ закоулкахъ провѣряемъ грязь.

«Своимъ рѣзцомъ клеймимъ кривыя клинья
 «Въ согнившихъ зданьяхъ дряхлой старины;
 «Мы Тациты Управы Благочинья
 «И въ мелочахъ мы ищемъ глубины.

«Съ Невы по Днѣпръ, за Дономъ, за Курмышемъ
 «Съ полиціей взяли мы счеты свестъ,
 «Мы на нее и ей доносы пишемъ,
 «А разбирай—кому охота есть.

—

20.

Вотъ и у насъ заводять рѣчь о *красныхъ*,
 Но кажется, толкуютъ не впопадъ:
 Не въ первый разъ, въ усиліяхъ напрасныхъ
 И все и всѣхъ мы корчимъ на подрядъ.

Легко мы поддаемся всякой кличкѣ;
 Къ лицу иль нѣтъ, а разомъ заклеимъ:
 Чего у насъ и нѣтъ, такъ по привычкѣ,
 Мы прячемся подъ прозвищемъ чужимъ.